

Анатолий Шестаев

ЗОЛОТОЙ ПУД

АНАТОЛИЙ ШЕСТАЕВ

ЗОЛОТОЙ ПУД

Рассказы

ОАО «МАОБТИ»
2001

Шестаев А.

III-51 Золотой пуд: Рассказы/Вступ. ст. В. Фатеева. — Магадан: ОАО «МАОВТИ», 2001. — 90 с.

ББК 84 (2Рас=Рус) 6-44

Плр № 00213 от 20.12.1999 г.
Лр № 010217 от 5.06.1997 г.

© А. Шестаев, 2001

© ОАО «МАОВТИ», 2001

Рад представить взыскательным магаданским читателям новое имя - Анатолий Шестаев. Знакомство с его рассказами окажется полной неожиданностью даже для знатоков нашей литературы: до этого сборника Анатолий нигде не публиковался. И это удивительно хотя бы потому, что для начинающего прозаика его рассказы вполне профессиональны. В них нет головоломных сюжетов и страстей-мордастей: обычная работа рядовых оперов. Но показана она так, что написанному веришь и с интересом следишь за событиями и за героями, которые не только ловят преступников, устраивают засады и расследования, но и просто живут-пьют чай или что покрепче, разговаривают, любят и сокрушаются о несовершенстве нашего с вами бытия.

Но есть в этих рассказах и еще один главный герой - колымская Природа. Именно так, с большой буквы. Признайтесь, давно не было в нашей литературе прозы, где природа, ее звери и птицы, реки и горы, морозы и ветра в полный голос заявляли бы о себе и на равных правах с остальными участниками двигали сюжет. Эта особинка автора многое обещает в дальнейшем. В сущности, после С. Олефира мать-природа в творчестве магаданских литераторов отошла на задний план, и совершенно напрасно... без нее мы беднее, без нее мы ничто.

Прочтите эту книгу и запомните это имя. Удачи тебе, Анатолий.

Валерий ФАТЕЕВ

«Хищник» Гена

Сентябрь заканчивался, но еще долго стояла относительно теплая погода, и в кабинете сидеть очень не хотелось, манило на трассу, в тайгу.

«Завтра и выедем с утра пораньше», - думал Матвейч, начальник валютного отделения РОВД. Надо обязательно отработать ручьи Чимчан и Чайтан. В прошлом году там определенно поработали "хищники", и есть информация, что и в этом году кто-то из соседнего района собирался в эти места. Так, машину попросим у Ивана, не первый раз он одалживает свой надежный "Урал", сегодня день на сборы, и в путь.

Через час в кабинете собрались все сотрудники отделения: Паша (Пал Палыч) - плотный круглолицый брюнет, всегда улыбающийся и жизнерадостный; мрачный задумчивый здоровяк Андрей и Витька-опер, молодой, но очень хозяйственный. Задачу поняли сразу: выезжаем завтра в 8 часов сроком на 4-5 суток. Куда - вопросы не задавали. Понятно, что на трассу: дорога - одна и в одну сторону. Кому чем заниматься - тоже знали: Паша договаривался с Иваном о безвозмездной аренде "Урала", Витька собирал хозяйство, Андрей помогал готовить машину.

Утром, проверив оружие, благополучно выехали. После обеда уже были в старательской артели "Самородок". Переговорили с председателем, его заместителем, осмотрели ЗПК*, промприбор. Еще раз уточнили схему оповещения в случае разбойного нападения и

* ЗПК - золотоприемная касса.

несмотря на предложение остаться на базе переночевать поехали дальше, но уже не по трассе, а по таежным дорогам. Ближе к ночи выбрали хорошее место возле ручья и привычно стали располагаться. Паша подгонял, Витька, который и так летал между машиной, костром и ручьем, успевая вытащить рюкзаки, котелки, топор, принести воду и по пути еще подцепить пару здоровых веток. Флегматичный Андрей, постояв минут пять в глубочайшем раздумье, пошел куда-то на другой берег. Матвеич быстро соорудил костерок, повесил два котелка на длинной и крепкой ветке, укрепив ее над огнем с помощью камней. Костер, как и положено, загорелся с первой спички, зажигалок Матвеич не признавал, особенно в тайге. Глядя на огонь, снова подумал о том, как удивительно распорядилась природа. В родном Казахстане гораздо теплее и флора богаче, и фауна, но если в лесу остановиться - воды нет, в степи - дров нет, с собой надо возить и то и другое. А здесь - благодать: и вода - на каждом километре два ручья, и дрова - рубить даже не надо: насобирали сухих лиственничных веток побольше, а на море плавника так на 100 лет хватит.

Поразмышляв на эту тему, принялся готовить ужин и обед. В дороге обычно не ели, несмотря на жалобные стенания Паши. Варить Матвеич не доверял никому и к этому делу относился серьезно. Пока готовил, Витька уже расстелил кусок брезента, разложил посуду, хлеб, соль. Сели в круг, взяли свои порции и выжидательно застыли. Матвеич, ничего "не замечая", спокойно принялся за свое варево. Ел он совершенно бесшумно и ни на кого не глядя. Потом, как бы спохватившись, изумленно огляделся и спросил:

- Чего ждем? Кушать подано!.. А-а, я и забыл, - пошарил за спиной в рюкзаке и достал бутылку водки.

Все разом заулыбались и задвигались. Ударили стаканами за удачу, за выезд. Больше одной бутылки никогда не пили. Спать улеглись в будке "Урала", машина приспособлена для охоты-рыбалки, и в ней можно жить даже зимой.

Утром, встав пораньше, напились чаю, убрали все следы своего пребывания и двинулись дальше. До обеда проехали по двум заброшенным полигонам, обследовали еще один ручей, но не нашли никаких свежих следов, и Матвеич решил ехать на Чимчан. К ручью подъехали часам к четырем, оставили машину и дальше пошли пешком.

Матвеичу местность была хорошо знакома, уже третий раз здесь. Пашу и Витьку послали наверх идти по правому высокому берегу, там может находиться пост наблюдения, если "хищников" несколько. Шли прямо по ручью, то и дело разглядывая в бинокли левый берег. Подходя к месту, начальник собрал всех за скалой, из-за которой уже просматривалась вся долина и где могли быть "хищники". Коротко обсудили ситуацию и, разделившись снова по двое, пошли осторожно по высоким берегам, укрываясь за кустами. Немного погодя Андрей жестом показал Матвеичу вниз - там явно видны были следы деятельности человека: небольшая запруда, кусок жести, доска.

«В прошлом году их не было, - подумал Матвеич, - значит, сейчас кто-то должен быть».

И тут же они увидели перед собой замаскированный в кустах шалашик, вернее, даже просто навес из полиэтиленовой пленки, небольшое кострище, чайник, пару кружек. Передав по рации Паше быть внимательней, Матвеич с Андреем тщательно обследовали находку. Чайник был еще теплый. Переглянулись с Андреем: только ушли, судя по кружкам, двое. Двинулись дальше, держа наготове оружие: "хищники" - люди

отчаянные, и, подстраховывая друг друга, Андрей снова махнул рукой, показывая на мотоцикл "Урал", укрытый брезентом.

- Все, теперь не уйдут, - сказал Матвеич и дал команду Паше с Витькой спускаться вниз к ручью.

Собрались и здесь увидели примитивную проходнушку, следы отбора грунта, то есть явные признаки, что здесь мыли золото. Разобрались в отпечатках следов - где-то 44-й размер резиновых сапог. Все-таки, судя по ним, здесь был один человек, и следы уходили вверх по ручью. Видимо, основная стоянка "хищника" находилась в верховьях ручья и, судя по всему, он убежал туда либо где-то рядом прячется. А возможно, уже и прицелился из карабина. Матвеич тут же послал Пашу с Витькой осмотреть еще раз место около мотоцикла и шалашика - искать лоток, лопату, а сам с Андреем быстрым шагом пошел по следам вверх. Ручей становился все уже и уже, пока перед сопкой не превратился в пропадающие во мху струйки и лужицы. Вверх шли по лосиной тропе, следы упорно вели выше и глубже в лес. И наконец привели к избушке. Пока Матвеич держал на прицеле дверь, Андрей обошел ее сзади, прислушался и, показав жестом, что все тихо, подошел к двери и рванул ее на себя. Тишина. Но уже перед подходом к избушке они интуитивно почувствовали, что там никого не найдут. Быстро осмотрев избушку (начинало темнеть), почти бегом кинулись назад, уже не таясь и не маскируясь.

- Все-таки один, - сказал Матвеич, - и надо его до темноты найти; работал не менее шести-восьми дней.

Свою машину увидели издалека. Возле костра хлопотал Витька, а Пал Палыч расхаживал по стоянке и крутил в руках свою "Соньку". Уже подходя ближе, Матвеич разглядел возле машины какого-то мужика и с облегчением вздохнул: поймали. Сразу вопрос Пашке:

- Почему по рации не сообщили?

Тот развел руками: что, разве не знаешь нашу технику, вызывал-вызывал... Где взяли? Да сам пришел, спустился сверху.

- Вот так?

- Да.

- Мыл?

- Пока не спрашивали, вот машину подогнали - обед-ужин готовим.

- Ну, молодцы, самостоятельными становитесь! Давай его сюда, как зовут-то?

- Говорит, Гена.

Паша позвал Гену - здоровенного мужика, обросшего черной жесткой щетиной с руками-лопатами. Тот робко улыбался и молчал.

- Господи, какая дикость, - устало подумал Матвеич, - ведь это пахарь, работяга, попробуй-ка в тайге помой золото - это же адский труд, а мы гоняемся за ними. Но "duro lex, sed lex" (суров закон, но это закон), и статью 162 УК еще никто не отменил.

Спросил мужика:

- Как зовут?

- Гена.

- А по отчеству?

- Иваныч.

- Ну что, Геннадий Иваныч, много намыл?

- Да нет, Дмитрий Матвеич, только начал.

Матвеич глянул на Пашку. Тот улыбался и смотрел в сторону. ("Опять мной страдал, ну, Паша!").

- Сколько дней-то: шесть или семь?

- Сегодня восьмой день.

- Сколько намыл?

- Да вот, грамм десять, - и Гена достал из кармана комочек фольги.

- Стоп, - сказал Матвейч, - давай камеру.

Паша тут же подхватил свою "Соньку", и началось документирование. Перед объективом Гена назвал себя (он приехал из поселка соседнего района за 140 километров на своем мотоцикле "Урал"), показал, как устроил запруду, проходнушку, затем вытащил из кустов замаскированные мхом лоток, лопату, показал, как промывал песок и добывал металл желтого цвета, похожий на золото (экспертиза потом покажет очень высокую пробу добытого драгметалла).

Посмотрев на почти счастливого Гену, Матвейч спросил:

- Геннадий Иванович, а что не убежал, а сдался?

- Так я подумал сначала, что бандиты, испугался здорово, думал, что и грохнуть могут, а потом присмотрелся, вижу, что менты, то есть милиция, и вышел. Знаю, что здесь порядочные, бить не будут, да и мотоцикл жалко.

- Ладно, мотоцикл можешь спрятать понадежней - потом заберешь, но подумай, все ли отдал?

В заключение Гена снова достал комок фольги и развернул ее перед объективом. "Сонька" бесстрастно зафиксировала очень мелкие самородки, самый крупный из которых явно уступал в размерах спичечной головке.

- Да граммов восемь от силы, - прикинул Матвейч, - остальное где-то спрятал, за неделю не меньше пятидесяти граммов намыл.

Словно прочитав его мысли, Гена торопливо сказал:

- Я же только вчера мыть начал, а до этого обустился, охотился.

- Ну да, а ягоды не собирал? - съехидничал Пашка.

Переговорив в сторонке с Пал Палычем, Матвейч решил тщательный осмотр местности и избушки проинформировать завтра с утра, а сейчас ужинать, ну да и обещать. Витька постарался на славу, все уже было готово. Сели в круг вокруг брезентовой скатерти-самобранки, и ритуал повторился. Гена, явно стесняясь, сел в сторонке. Разливая водку, Матвейч строго посмотрел на Гену и коротко сказал:

- Кружку!

Гена смущенно заулыбался и начал было отнекиваться, но Пашка ткнул его локтем, и тот быстро подставил свою почерневшую кружку. Матвейч линул ему от души не меньше тройной порции. Придется вторую сегодня доставать, все-таки не зря ездили, да и Гену надо разговорить. К концу трапезы Гена пообещал подумать. На том и порешили. Ложась спать, его на всякий случай пристегнули наручниками к железной скобе, приваренной словно специально возле нар.

Утром, пока готовили чай, Гена отозвал Матвейча в сторону и, помявшись, сказал, что они сами ничего не найдут, но он выдаст золото добровольно и спросил, зачтется ли ему это в суде. Матвейч пообещал, что зачтется, конечно. Напившись чаю, все, кроме оставшегося сторожить машину Витьки, пошли к избушке. На этот раз, прикинув расстояние, Матвейч определил не меньше пяти километров. Подошли к избушке, и Пашка начал документирование. Осмотрели сначала снаружи: дрова, пила, ведро. Внутри как обычно: нары, столик, чурбан, чайник, кружка, ложки, вилка, кастрюля, соль, свеча, хороший деревянный пол-настил. Попробуй найти 50 граммов золота, а может, рядом, закопал под деревом или в дупло засунул. Где искать? Тайга большая. Но Геннадий Иванович марку держал. Раскорячился и полез рукой под пол-настил,

поковырялся там с томительную минуту и со смущенной улыбкой, распрямившись, подал почти в торжественной обстановке под бдительным оком "Соньки" и комментарий Пашки пузырек из-под "Дэты", в котором виднелась масса буро-желтого цвета. Прикинули, действительно около 50 граммов.

- Гена, это все?
- Обижаете, конечно. Я же добровольно.
- Ну ладно, не обижайся.

В этот же день вернулись к вечеру в РОВД. Гену закрывать в ИВС* не хотелось, и, взяв с него честное слово, Матвеич, нарушая все правила, отпустил его ночевать к какому-то знакомому, предварительно узнав его адрес.

Через определенное время суд рассмотрел дело и, учитывая обстоятельства и ходатайство РОВД, определил меру наказания в виде самого минимального размера штрафа, по тем временам можно сказать - копейки.

Ровно через год, возвращаясь из дальней поездки по очень интересному делу, связанному с хищением двух килограммов золота на участке старательской артели "Звездная", Матвеич решил свернуть с трассы и проверить ручей Чимчан. Но это уже другая история.

* ИВС — изолятор временного содержания.

Первый снег

Начало сентября на Колыме - самая благодатная пора. Комары где-то пропали, мошка еще немного зудит, но уже не так, как в августе. Вся колымская природа цветет самыми яркими красками. Представьте себе: синее-синее небо, белые шапки синеющих сопок, зеленый стланик, кустарник, начинающий желтеть и краснеть, стройные лиственницы, ярко-розовые и красные огромные поляны иван-чая и запах багульника, поспевшей брусники. Пора сбора грибов, голубики, брусники, рыбной ловли, да и охотничий сезон на носу.

И в эту пору примчался с трассовского поселка в РОВД на своем «уазике» самый длинный опер ОБЭП на всей Колыме - Гена Дьячков. Протянул свою огромную лапу начальнику ОБЭП Синегорову, поздоровался и с ходу начал:

- Что вы тут сидите, ехать надо, "хищников" ловить, металл изымать!

- Не суетись, попей чаю, расскажи, как дорога, что с машиной, как семья, сын уже бегают, наверное, как телевизор, не сломался ли, как стиральная машина? Как овцы? Стоп, это уже лишнее, - усаживаясь за стол, огорошил его начальник вопросами.

Похлопав белесыми ресницами, Гена спросил:

- По порядку отвечать или как, товарищ капитан?
- Давай по порядку.

Гена кое-как разместился за приставным столом, протянув длинную руку, взял со стола начальника его любимую линейку и, постукивая ею по столу, начал отвечать по порядку:

- Дорога хорошая, машина в норме, сын бегают,

телевизор показывает, стиральная машина, как всегда, весь поселок без света оставляет.

- Утки появились?

- Нет, уток еще не видно. Слушай, Матвеич, ехать надо в тайгу, мне подсказали, где два "хищника" золотом моют.

- Ну что, прямо сейчас? Все брошу и поеду?

- Давай Саню пошли со мной.

- Интересно, а кто здесь будет работать? Лучше я сам с тобой поеду. Короче, сейчас ко мне, пообедаем и часа в четыре выедем. Линейку-то положи где брал.

На трассу выехали в пятом часу и облегченно вздохнули: вырвались!

Через четыре часа въехали в поселок, лежащий в небольшой долине между высокими сопками. В поселке располагалась колония - поселение. Остановились возле жилого двухэтажного дома и зашли к прапорщику Михалычу, который и пообещал Гене проводить его в тайгу. Кто-кто, а Михалыч окрестные места знал как свой огород, недаром прожил здесь почти 20 лет. Михалыч бурно обрадовался, потащил сразу за стол ужинать. Так Синегоров впервые увидел и познакомился с прапорщиком Малковым, с которым вскоре сдружился и часто выезжал на охоту и рыбалку.

Пока мыли руки, Михалыч трещал без умолку. Рассказал все новости и уже начал было плести замысловатое кружево своих бесконечных охотничьих историй, но вдруг спохватился:

- Мужики, вас ведь «хозяин»* ждет, у нас два дня назад ээк сбежал, и мы планируем выезд в тайгу на его поиски.

Тут же позвонили «хозяину» и договорились встретиться утром пораньше и спланировать совместную поездку.

* «Х о з я и н» - начальник колонии.

Утром собрались в кабинете начальника колонии Бороздина за его огромным столом. За традиционным крепким чаем рассказали друг другу новости, решили, что выезжать нужно немедленно, тем более что машина уже подготовлена и люди тоже собрались.

- А кто с нами поедет? - спросил Синегоров.

- Как кто, как кто?! - заулыбался хозяин. - Я же вас не брошу, куда мне деваться, поеду сам и зам возьму.

- Виктор Иванович, ты серьезно? - обрадовался Синегоров.

- Ну конечно, засиделся как-то на месте, а тем более в такой компании, да и дяланы сам посмотрю и заму вот хозяйство покажу.

Виктор Иванович сам когда-то прокладывал лесовозные дороги и окрестную тайгу знал до самого моря.

Удобно разместились в грузовом «ЗИЛе», который при коротком кузове имел двойную кабину, и тронулись в путь. За рулем был молодой поселенец Игорь. Рядом с ним сидели «хозяин» и его зам Олег Петрович, сзади разместились Синегоров, Гена и Михалыч. Виктор Иванович рассказывал, что поселенец Баранов по кличке Баран - мужик вообще-то серьезный, и сбежал, по всему виду, рыбы половить, и не исключено, что и золото помыть, тем более что это дело ему знакомо, а через месяц сам вернется, если не найдем. В тайге же видели и деда Годунова вместе с Рифатом. Дед Годун всю жизнь промышляет золотишко, а Рифат - бывший поселенец и увязался с ним, конечно, не ягоду собирать.

Баран, видимо, с ними, он и раньше якшался с дедом Годуном, и ушел-то налегке, без припасов.

Михалыч предположил, что они где-то или на 47-м километре, или на Чумыше.

- Да, там и будем искать, - в заключение сказал Бороздин.

На том и решили.

К вечеру подъехали к избушке. В ней Виктор Иванович, пока Игорь растапливал печку, развязал свой огромный рюкзак. Синегоров еще недоумевал, что можно такого наложить в рюкзак. Первым делом Виктор Иванович достал черпак, затем здоровенную кастрюлю, сковородку, разделочную доску, кочан капусты, бутылку растительного масла, пару огромных луковиц, хлеб. В заключение он торжественно вынул огромную замороженную курицу.

- Ну ты даешь, Виктор Иваныч, - изумленно проговорил Синегоров.

- А как ты хотел? С вами, охотниками, иначе пропадешь!

Отгнав всех от плиты и стола, Бороздин начал кашеварить. Матвеич хотел было ему помочь, потому что привык готовить в походах еду сам, но Михалыч придержал его за рукав:

- Не мешай, Иваныч все может делать собственноручно.

Пока варился борщ, Бороздин накрыл стол, нарезал сало, колбасу, овощи, вопросительно глянул на Матвеича:

- Взяли?

- А как же, Гена, давай, доставай дефицит.

Гена тут же вытащил из рюкзака две бутылки водки. Олег заулыбался:

- Ну, теперь полный консенсус будет.

Кое-как разместились за столом и отдали должное кулинарным способностям «хозяина». Поужинав, вышли из избушки, посидели на свежем воздухе, покурили, обсудили дальнейшие действия и затем улеглись спать на деревянных топчанах, а Гена прямо на полу, и то с трудом, ноги никак не помещались. Ночью Синегоров проснулся от духоты, в избушке было жарко, печь еще не прогорела. "Кто это дров-то накидал в

печку, и так уже дышать нечем", - лениво подумал он и тут вдруг увидел, что Гена встал на колени, схватил пару поленьев и затолкал их в печку.

- Ты что делаешь! Сгорим на хрен от жара! - прошептал Синегоров.

- Вы сгорите, а я замерзну к черту, уже зуб на зуб не попадает, - отозвался Гена.

И действительно, на полу было как зимой. Матвеич скинул на пол одеяло, пару курток, и Гена успокоился.

Утром быстро позавтракали, погрузились и поехали дальше.

- Пообедаем на 48-м, посмотрим там вокруг, и если нет никого, то и дальше двинем, - сказал Бороздин.

- К вечеру мы и до Чумыша доберемся, а там избушка хорошая, переночуем, - тут же подхватил Михалыч. - Там трелевщик стоял, может, они на нем и ездят по ручьям.

Часа через два остановились у какой-то речки, размяться, покурить. Выскочив из машины, Михалыч сразу побежал на речку, зашел в нее сколько хватило ботинков, а затем замахал рукой:

- Матвеич, иди сюда скорей!

Синегоров с трудом подошел к нему - течение сильное сбивало с ног:

- Звал-то чего? Утопиться, что ли?

- Смотри, да вон туда смотри, видишь?

- Что это?

- Да рыба же, мальма. Эх, жалко, сетки нет, ухи бы поели.

- Поедим еще. Виктор Иваныч наверняка мороженой прихватил.

На сорок восьмом Бороздин сварил макароны с тушенкой. Пообедали, осмотрели все вокруг, но никаких свежих следов не нашли и решили ехать дальше.

- Дальше еще одна избушка в стороне стоит, там

надо обязательно посмотреть, а от нее и до Чумыша рукой подать, - усаживаясь в кабину, сказал Виктор Иванович.

Поехали к избушке по старой, уже заросшей дороге. Не доезжая метров двести, вышли из машины и осторожно пошли к домику. Окружили его со всех сторон, и по знаку Синегорова Дьячков с Михалычем, подкравшись, распахнули дверь и, взглядевшись, одновременно крикнули: "Никого!".

Избушка была попросторней и поновей первых двух. На большом столе стояла грязная посуда, на печке кастрюля, чайники с теплой еще водой. На нарах и железной кровати лежали матрасы, подушки, одеяла. На полке хлеб, сахар, макароны.

- Трое здесь, - сказал Бороздин, - а это Барана ватник.

- На ручье они, Виктор Иваныч, - уверенно отозвался Михалыч.

Оставив Олега возле избушки в засаде, быстро пошли к ручью. Пройдя метров 150, услышали звук мотора.

- Трелевщик! - негромко сказал Михалыч, и все укрылись в кустах.

Минут через пять действительно показался трелевщик. За рычагами сидел Рифат, а рядом с ружьем в руках - Баранов.

Подождав, когда трелевщик приблизится, Синегоров с Бороздиным внезапно вынырнули из густых зарослей и, направив автоматы на беглеца, приказали остановиться и слезать. Баран быстро оглянулся и, увидев, что сзади стоят с оружием наготове Михалыч с Генкой, бросил ружье на землю. Рифат заглушил мотор, и они медленно слезли со своего железного коня.

- Ну что, Баран, добегался? - спросил Михалыч.

Тот хмуро ответил, что убежать не хотел, думал через пару дней вернуться.

Синегоров с Генкой отвели Рифата в сторону.

- Где Годун? Быстро отвечай. Где мыли? У кого металл? Оружие есть еще? - забросали его вопросами, не давая опомниться.

Рифат, молодой еще парень, только головой крутил, видимо еще толком не соображая.

Опера наседали:

- В зону опять хочешь? Где Годун? Где металл? Где инструменты? Оружие?

- Да там он, на ручье, - наконец выдавил ошеломленный Рифат.

- Ружье есть?

- Есть.

- Вверх по ручью или вниз?

- Вверх.

Синегоров коротко посоветовался с Бороздиным, и они вдвоем пошли к ручью, отправив Генку и Михалыча с задержанными в избушку. Как ни осторожно они шли, Годун все-таки услышал их и увидел, и врасплох застать его не удалось.

- Далеко не уйдет, старый все-таки, - на бегу крикнул Бороздин, - слева гони его в сопку.

Действительно, далеко Годун не убежал, годы уже не те, чтоб в сопку бегать. Он остановился возле большой лиственницы и, укрывшись за ней, закричал:

- Не подходи, убью! - и повел стволом ружья.

- Бросай оружие! - в ответ крикнул Бороздин.

Но Годун продолжал орать:

- Стрелять буду, не подходи!

Не долго думая Бороздин ударил очередь из автомата по лиственнице поверх головы старого «хищника». Матвейич тут же со своей стороны отозвался очередью из своего «АКС-У». Сверху на Годуна посыпались ветки, он мгновенно бросил ружье, упал на колени и заорал дурным голосом:

- Виктор Иванович, родной, это я, Годунов, не стреляй, миленький!

- А-а, узнал, старый дурень, - отозвался Бороздин, подходя к нему.

Матвейч тоже подошел, подобрал ружье, и они повели захлебывающегося от бурного потока слов Годуна. Он, оказывается, думал, что это бандиты, но это, слава Богу, сам «хозяин» оказался с милицией, да хорошо что узнал. Эту чепуху он нес до самой избушки, в то же время остро поглядывая на незнакомого ему Синегорова, чуя, наверное, откуда ждать беды. Но Синегоров помалкивал. В избушке Годуна тщательно обыскали, но золота тоже не нашли. Глядя на старика, Синегоров видел, что тот сильно нервничает и все старается повернуть разговор на то, как он испугался, как его задержали, и выражал бурный восторг, что сам «хозяин» тут оказался, а если бы не он...

- Что было бы? - спросил Гена заинтересованно.

Годун аж подскочил:

- Да убили бы!

- А ты что, с палкой стоял? - спросил Синегоров.

- Да лучше бы убили, на хрена мне такая жизнь собачья!

- Что, и жить не хочешь? - съехидничал Гена.

- Так я и говорю: лучше бы застрелили.

- Ты лучше золото сдай, если жить не хочешь, на хрена оно тебе там?

- Там? На зоне, что ли?

- Нет, у верхних людей.

Годун за этим разговором расслабился и несколько успокоился. Но тут Гена взял его патронташ и спросил:

- Четверка-то у тебя есть?

Годун встрепнулся:

- Есть, есть, давайте я вам достану.

- А ну-ка, Гена, давай его сюда, - протянул руку Синегоров, - посмотрим, какая у него дробь.

Он взял патронташ и стал доставать патроны из гнезд. Взвешивал их на ладони и складывал на столе. Достав все патроны, глянул на Годуна и вынул свой нож. Годун сник и не отрывал взгляда от патронов. Золото оказалось в четвертом распотрошенном патроне.

- Ну и дурак же ты, Годун, жадность тебя сгубила, - закончив с патронами, сказал Синегоров.

- Эх, растерялся я, однако, - ответил Годун.

Гена недоуменно посмотрел на них. Синегоров объяснил:

- Он его выстрелить должен был, и всё: нет металла - нет дела. Старые "хищники" так делают, да, Годун?

Годун только головой кивнул.

Машина тихо тронулась с места и поползла дальше по сопке. Через 20 минут выбрались на дорогу и дальше уже ехали без всяких приключений.

Баранов, отсидев свои 10 суток в СИЗО, больше не убегал и благополучно досидел свой срок. Годунов и Рифат получили условный срок за незаконную разработку недр. Спустя год Годун украл ружье через форточку и получил уже реальный срок. Через несколько лет Синегоров встретил его в Оротукане на стане старателей, но это уже другая история.

Первое «золотое дело» Паши

Схему Паша вычертил старательно, причем разными цветами. Подсунув ее начальнику отделения, он замер в ожидании похвал и восторженных отзывов.

- Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, - пробурчал Синегоров, закончив изучать план захвата.

- Вот так всегда, я же старался, - возмутился Паша.

- На ручье с лотком надо стараться, а здесь работать и думать надо, - наставительно произнес Синегоров, покручивая в руках свою любимую 50-сантиметровую линейку.

- Матвеич, все знают, что ты мудрый, так подскажи, что не так.

- Да все так, только ты уверен, что сделка будет именно в это время?

- Обижаете, шеф! С точностью до минуты.

- А как войдем?

- Может, не закроют дверь?

- Где это ты видел в наше время, чтобы дверь на замок не закрывали?!

- Выбьем на хрен!

- Это другое дело. Поехали, собирай ребят.

- Да уже ждут.

- Папку зарядил? Нитки, пакеты, клей, ножницы. Все взял?

- Да я даже вату в аптеке купил.

- Молодец!

Вся группа уже ожидала в машинах. Паша сел за

руль любимой "шестерки", и они поехали на операцию. Операцию проводил Паша Захарченко - старший оперуполномоченный отделения по борьбе с хищениями драгоценных металлов и минералов (ОБХДММ)* одного из колымских РОВД. Его начальник майор Синегоров на этот раз выступал в качестве шефа-наставника и старался не вмешиваться. Паша волновался, но пока все шло по плану.

Старатель, укравший драгоценный металл в артели, находился в своей квартире и ждал покупателя. Покупатель с деньгами уже находился в пути. За квартирой старателя вели наблюдение двое оперов.

Синегоров и Захарченко с группой на двух машинах подъехали к соседнему дому и ждали сигнала от наблюдателей.

И вот началось.

- Первый - четвертому, - раздалось в машине.

- На связи, - тут же откликнулся Паша.

- Объект зашел в квартиру.

Паша скомандовал: "Пошли!" Синегоров не спеша вылез из жигуленка и неторопливо пошел к дому. Вошел в подъезд и негромко сказал в микрофон: "Жду". Из другой машины вылезли здоровенный Андрей и не менее здоровый Олег из отделения уголовного розыска, участвовавший в операции исключительно из-за своей комплекции, и так же неторопливо направились к подъезду.

Все трое, тихо поднявшись на третий этаж, подошли к двери квартиры старателя. Дверь была простая, деревянная. В те времена железные двери еще только входили в моду. Как и предполагал Синегоров, дверь была на замке.

- Придется действовать по закону, - подумал он, -

* ОБХДММ - отделение по борьбе с хищениями драгоценных металлов и минералов.

мы знаем, что совершается преступление, и обязаны его пресечь. Что ж, будем пресекать. Давай, мужики!

Мужиков уговаривать не надо. Дверь перед ними распахнулась как сама собой, и они влетели в квартиру как две торпеды. Вошедший за ними Синегоров так и не понял, когда они успели нацепить наручники на двух мужиков, стоявших на кухне возле стола. От пережитого страха хозяин не мог выговорить ни одного слова, а покупателя трясло как в лихорадке. На столе стояла бутылка водки, две рюмки, нехитрая закуска, и тут же на фольге желтела грудка песка. Синегоров, с ходу вытащив удостоверение, представился — и в микрофон: "Паша, ждем". Через полминуты в квартиру влетел возбужденный Паша и, увидев золото, не смог удержаться от счастливой улыбки:

- А это что такое? А где граната?

Хозяина ноги уже не держали, он сел на стул и, заикаясь, спросил:

- Какая граната? У нас только вот — золото.

Дальше пошла уже техническая работа. Изъятие, упаковывание, опросы и т. д.

Так быстро и просто закончилась операция, которую Паша начал полгода назад.

«Бумеранг»

Сегодня Синегоров, начальник ОБХДММ РОВД, занимался очень важным делом — заполнял журнал индивидуально-воспитательной работы за третий квартал текущего года.

- Так, сначала — результаты выполнения мероприятий во втором квартале. Что там у нас? Провести три беседы со старшим оперуполномоченным Захарченко о пользе обливания холодной водой по методу П. К. Иванова. Отметим: беседы проведены — пользу не понял. Дальше: организовать коллективный выезд сотрудников на рыбалку. Отметим: выполнено, рыбой запаслись. Дальше: провести две беседы с оперуполномоченным Пантелеевым о необходимости вежливого и тактичного обращения с гражданами. Отметим: беседы проведены, Андрюха хорошо понял необходимость, он прежде чем выбить стул из-под бандита Кривоглазова, очень вежливо попросил его встать и пройти с ним, а тот его послал сдуру. Андрюха даже плохого слова ему в ответ не произнес, выбил стул, ручки за спину завернул и в отдел доставил. В итоге бандит попал на 10 суток и жалобу на невежливое обращение прокуратуры не подавал... Что же на этот квартал планировать? Знал бы народ, чем мы тут занимаемся! А еще журнал учебы боевой и политической подготовки. Кому он нужен! Липа ведь. Так, первым пунктом: привить любовь старшему оперуполномоченному Захарченко к древнему японскому искусству бонсай. Знает ли замполит это слово? Второй пункт: организовать выезд сотрудников

с целью сплочения коллектива на открытие охоты. Третий: провести три беседы с оперуполномоченным Пантелеевым о пользе и необходимости чтения художественной литературы (он, наверное, кроме "Красной Шапочки" ничего не читает). Четвертый. Где у нас тут Сидоренко? На какую ногу хромает Витька? Вежлив, книги читает, здоров, в семье все нормально. С оперативкой плохо. Запишем: оказать помощь оперуполномоченному Сидоренко в овладении оперативными навыками. Ну и хватит. Пока. В запасе на следующий квартал икебана, лыжи, классическая музыка.

Синегоров отложил журнал в сторону, взял трубку телефона и позвонил старшему оперуполномоченному Захарченко:

- Паша, давай заходи.

Паша, чей кабинет находился напротив, появился мгновенно:

- Шеф, ехать надо, тайга зовет.

- Только же позавчера приехали.

- Ну и хорош, чего тут пыль глотать да штаны просиживать! Поехали, пока Иван свой "Урал" дает.

- Уговорил, поехали. Завтра утром и выедем.

Синегоров немного лукавил: поездка на полигоны им была уже запланирована, и он только ждал сегодня одного из заместителей председателя артели, чтобы договориться о совместной работе.

В дверь кто-то робко постучал.

- Заходи, - гаркнул Паша, - стучать в камеру будешь!

Дверь открылась, и показался здоровенный бородатый мужик в штормовке.

- Шутки у тебя, долбодыр, - проворчал Синегоров вставая навстречу зампреду артели "Звездная". - Здорово, Петрович, как доехал?

- Да я из города еду, все нормально.

- Когда все нормально, к нам не заходят, - встрял Паша, - что, «хищники» на участке появились?

- Какие хищники, я вот уже Матвеичу рассказывал: металл уходит у нас.

- А ты мне тоже Расскажи, пока Матвеич чай заварит, я же ничего не знаю.

- Извини, Пал Палыч, забыл доложить, - съехидничал Синегоров, священнодействуя с чаем.

- Понимаешь, сначала съемы хорошие были, а потом как обрезало, причем на обоих приборах, но когда сам съем делаю, вес сразу увеличивается.

- Выходит, что съемщики у вас воруют, кто там на съеме?

Синегоров протянул Паше список съемщиков:

- Посмотри на эту фамилию, мне кажется, это он.

- Но там же их трое, - возразил Петрович.

- Значит, втроем и воруют, - отрезал Паша. - Что будем делать, Матвеич? Поедем шмон устроим?

- Нет, шмон этот ничего не даст, но есть один способ, чтобы уж наверняка.

- Что за способ?

- Читать больше надо. В общем, так, Петрович, ты сегодня уезжаешь на участок, а мы завтра выезжаем и послезавтра подъедем к вам после съема. Давай самородок.

Петрович достал из кармана золотой самородок весом около 7 граммов, причудливой формы, напоминающей бумеранг, и подал его Синегорову. Тот взвесил его на ладони и показал Паше:

- Что напоминает?

- Бумеранг.

- Так и назовем: операция "Бумеранг". Понял, что к чему?

- Ни хрена не понял, - откровенно сказал Паша.

- Сегодня Петрович забросит его в колоду на своем

участке, а послезавтра подъезжаем мы и проверяем ЗПК. Если там нет самородка, начинаем проверку.

- А если будет?

- Ну, это вряд ли.

Так и решили. Петрович тут же уехал, а Синегоров дал команду собираться.

Выехали рано утром на ивановском "Урале". Иван - внештатный сотрудник Захарченко - на этот раз поехал сам и, сидя за рулем, оглушительным голосом рассказывал, как ездил на рыбалку. Паша не менее оглушительно хохотал. Синегоров терпел молча. Километров через двести съехали с трассы к речке и расположились на косе, где ветерок хоть немного стонял комаров. Из будки "Урала" выскочили Андрей и Витя и тут же принялись мазаться "Дэтой". Через пять минут уже полыхал костерок, над которым подвесили большой котелок с водой для чая. Чай пили не торопясь, спешить было некуда.

- Ужинать где будем, Матвеич? - спросил Иван.

- Мы же еще не обедали, - возмутился Паша.

- Точно - где будем обедать, там и поужинаем, - допивая чай, ответил Синегоров.

- С вами с голоду сдохнешь, я и так похудел на четыре килограмма, - пожаловался Паша.

- Ничего, тебе полезно, - подколот его Витек.

Через два часа Паша устроил бунт, требуя остановиться и пообедать. Пришлось остановиться сначала на обед, а потом на ужин и ночлег. Ночевали в будке "Урала". Следующий день был еще жарче. На участок приехали ближе к вечеру. Подкатили сразу к столовой, и, не успели еще выбраться из машины, как тут же подскочил краснощекий молодец лет сорока пяти и по-хозяйски требовательно и властно стал выяснять: кто такие, откуда, зачем, кто разрешил? От проявленно-

го усердия щеки чуть не лопались. Синегоров и Захарченко предъявили свои удостоверения и пропуска на участки артели. Краснощекий сразу сбавил тон и пояснил, что он сам здесь только что назначен начальником участка, фамилия его Григорьев, зовут Иван Петрович. А наемники приезжали какие-то люди на "КАМАЗе", интересовались металлом, обещали вернуться; руководства артели здесь никого нет, был зам по режиму вчера, да уехал на другой участок.

Уточнив, что съем уже прошел, а отправка золота завтра, Синегоров предложил пройти в ЗПК.

Втроем подошли к калитке забора, окружающего золотоприемную кассу со всех сторон. Иван Петрович нажал кнопку звонка, и через пару минут к дверям калитки подошел охранник, внимательно изучил их через глазок и потребовал пропуска, а затем и удостоверения. Пропустив их внутрь, тщательно запер ворота и повел к домику, в котором и находилась ЗПК. По пути Синегоров осмотрел сигнализацию, надежность запоров, но придаться было не к чему. Внутри помещения находились два человека. Григорьев представил их:

- Съемщики, они же доводчики и охранники - Семенов и Трепалов.

- А где третий съемщик? - мимоходом поинтересовался Синегоров.

- Приболел немного, в балке отдыхает.

Пока Паша проверял укрепленность, оружие, Синегоров изучал документацию. Действительно, в первое время шли хорошие съемы - до килограмма и более, а потом съехали до 100-180 граммов.

Иван Петрович объяснил, что поначалу хорошие пески промыли, а теперь бедные пошли, и придется, видимо, прибор перетаскивать. Изучая документацию, Синегоров приглядывался к съемщикам: они были со-

вершенно спокойны, не суетились и обстоятельно отвечали на все вопросы.

- А третий давно болеет и в съемах не участвует? - спросил Синегоров.

- Болеет он вторую неделю, в съемах не участвует, но всегда принимает контейнеры со съема, - пояснил Григорьев.

- Понятно, давайте металл посмотрим.

- Да он уже опечатан к сдаче.

- Иван Петрович! Вы мне напоминаете начальника пристани из "Холодного лета пятьдесят третьего". Печать-то у кого? Ну еще раз опечатаете. Что вы, в самом деле, себя боитесь. Вес-то тот же останется. Не так ли? Давайте мешки сюда! - повысил несколько голос Синегоров.

Семенов открыл сейф и достал оттуда два мешка с драгметаллом, опечатанные свинцовыми пломбами.

- Сначала тот, где сегодняшняя съем, - распорядился Синегоров.

Семенов вскрыл мешок и высыпал желтый песок на тарелку весов.

Григорьев тут же устался на циферблат, остальные тоже зачарованно смотрели на стрелку.

- Ну вот, вес соответствует, - облегченно вздохнул Григорьев.

- А кто в этом сомневался? - пожал плечами Синегоров и, взяв линейку, разворошил горку. - Высыпайте на стол!

Когда песок высыпали на металлический стол, Синегоров той же линейкой отделил более крупные самородки в сторону. "Бумеранга" здесь не было! Так же и во втором мешке. Когда мешки снова заняли свое место в сейфе, Синегоров с Захарченко тщательно осмотрели все помещение, а заодно одежду и обувь

съемщиков.

Из ЗПК вышли, когда уже начало смеркаться.

- Ужинать будете? - поинтересовался Григорьев, явно обрадованный, что проверка благополучно закончилась.

- Да мы и позавтракаем, и пообедаем еще здесь, - обрадовал его Паша.

- Петрович, свободное помещение есть?

- Вон тот балок свободный, пойдемте покажу.

Распорядившись, чтобы Витек с Иваном занялись обустройством и ужином, Синегоров с Пашей и Андреем пошли в жилой балок, где жили старатели. Поднявшись по высокой лесенке, Синегоров вошел в тамбур и, проходя по нему в комнату, плечом зацепил одежду, висевшую на вешалке у стены.

«Вот это да! - мелькнула у него мысль, - неужели так просто?! - проведя рукой по курткам и штормовкам, определил тяжелую и чуть поддернул ее вверх. - Килограмма полтора, если не гвозди там».

В прокуренном балке за столом трое мужиков весело играли в карты. Увидев вошедших, поприветствовали и продолжили игру. Четвертого Синегоров разглядел не сразу, он лежал на кровати, укрывшись одеялом. Услышав чужие голоса, тот откинул одеяло и сел.

«Он», - как-то сразу почувствовал Синегоров.

Паша подошел к столу, уже завел разговор, но Синегоров, прервав его, официальным тоном объявил, что на территории участка проводится проверка, по чему просьба предъявить документы и сдать оружие, наркотики, золото и другие предметы, запрещенные в быту. Мужики нимало не смутясь предъявили водительские удостоверения и заверили, что незаконных предметов, кроме охотничьих ружей, "Беломора" и обручальных колец, отродясь не носили и не видели.

Четвертый же оказался съемщиком Свиридовым.

- Одежку-то разберите, мужики, - распорядился Синегоров после осмотра комнаты.

Мужики засуетились и сняли с крючков свои куртки, осталась одна штормовка.

«Та самая», - посмотрел Синегоров и спросил: - А это чье?

Мужики почти хором:

- Свиридова!

- Ну забирай, болезный!

Свиридов с криком и стоном поднялся с кровати и забрал свою штормовку. На Матвеича он не глядел, а все куда-то в сторону.

- Пал Палыч, посмотрите у него на всякий случай куртку, нет ли гранаты, а мы с Андреем посмотрим эти, - отворачиваясь, приказал Синегоров.

Буквально через мгновение Паша удивленно спрашивал у побледневшего Свиридова:

- А это что такое?

- Что там, Пал Палыч? - повернулся Синегоров.

- Да вот, мешочек тяжелый!

- Что там, гвозди?

- Какие гвозди, какие гвозди?!

- Может, золотые? Высыпай на стол! Мужики, дайте газету!

Паша осторожно высыпал содержимое на газету. Мужики ахнули. На газете маслянисто-тускло желтела горка песка, несколько самородков откатилось чуть в сторону, и среди них Синегоров сразу взглядом хватил знакомый "бумеранг".

«Что и следовало доказать», - удовлетворенно подумал он.

В ЗПК взвесили обнаруженное золото - оказалось один килограмм 247 граммов.

Поначалу Свиридов вообще отрицал свою причаст-

ность к обнаруженному золоту, но когда Паша зачитал ему и дал посмотреть акт осмотра самородка в виде бумеранга, составленный еще 2 дня назад в присутствии зама по режиму, он сразу сник и признал, что взял металл со съема, но только для того, чтобы сдать на следующем съеме. Синегоров быстро опроверг и эту басню, продемонстрировав журнал учета намытого золота, где килограммов не было с начала сезона. В конце концов Свиридов признал, что золото он похищал, но другие съемщики к этому не причастны. Он после съема сразу отправлял их на обед и сам уже производил доводку и упаковывал мешки.

- Вот так, Петрович, целый букет нарушений, а с виду все хорошо. Будешь отвечать вместе с ним, - не преминул заметить Паша.

Петрович, красный как вареный краб, только громко вздыхал и мотал головой. Потом он как сел на ступеньку возле входа в столовую, так и не вставал.

Когда все пошли спать, он все еще сидел там.

Утром Петрович признался Синегорову, что всю ночь не мог сомкнуть глаз, у него просто в голове не укладывается, как можно так нагло воровать металл, Свиридову же доверяли больше всех.

- Инструкцию надо соблюдать, - коротко резюмировал Синегоров.

В тот же день они вернулись домой.

Варнаки

Март на Колыме — еще зима. Морозы, правда, уже пошли на убыль. Солнце глядит повеселей. Еще полтора-два месяца, и можно выезжать на участки старательских артелей. Матвеич — начальник валютного отдела РОВД — задумчиво глядел на замерзшее окно в своем уютном кабинете. "Снегу сколько навалило, лыжную мою на сопке занесло совсем, но к субботе, конечно, прочистят".

Матвеич — заядлый лыжник и практически с начала ноября по 10 мая не пропускал выходного дня, обычно воскресенья, чтобы не пробежать 15-20 км по молчаливому замерзшему лесу.

Обильный снегопад мешал запланированному выезду в тайгу на ручей Чаглинах. Матвеичу, наверное, птички настучали, что там в избушке проживают 2 или 3 человека, явно не охотники, и чего там охотникам делать. Значит... ну конечно, "хищники". Делают пожоги, поставили полубочку и моют себе потихоньку. Задача представлялась простой: выехать на "Урале", по трассе всего 350 км, а дальше по тайге всего около 30 км. Можно доехать до самой избушки, зимой никуда не убегут. Но снегопад... "Маяк", тут же откликаясь на мысли, запел голосом Нани Брегвадзе: "Снегопад, снегопад...".

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Пал Палыч, старший опер, правая рука и друг Матвеича. Жизнерадостно улыбаясь, громко спросил:

— Ну что сегодня будем делать?

Матвеич хмуро ответил в том же духе:

— Если тебе делать нечего, то увольняйся, — намекая, что и самому пора проявлять инициативу и не ждать мудрых ЦУ.

— Вот так всегда, — не смутился Пашка, — я же имел в виду, не поедem ли куда-нибудь? Если нет, то мы с ребятами машинами займемcя, надо «уазик» подшаманить, да и «шестерку» тоже.

— А что с «Уралом» ивановским?

— Да все нормально, он сейчас дома, можно взять в любое время, да Иван и сам может с нами поехать.

— Это, конечно, здорово, да вот видишь, снегу сколько навалило, а нам бы так пригодился показатель по "хищникам" еще до начала промсезона.

— Так весь сезон впереди — успеем.

— Сезон-то сезон. Ты что, не знаешь, что в нашем районе "хищников" практически не бывает, это тебе не Сусуман.

— Поедем опять в соседний район.

— Это когда же мы ездили, ты на карту посмотри, а лучше не смотри, ручьи-то в тайге все одинаковые, а на нем же не написано, как он называется и в каком районе течет, как раз, может, не границе районов.

Пашка, утробно хохотнув, спросил:

— А Чаглинах в нашем районе?

— Ну конечно, смотри, вот этот ручей, вот здесь где-то избушка, здесь вторая избушка, а граница видишь где. А вот, кстати, посмотри: как ручей называется?

— Вот это да — Матвеич!

— То-то и оно, а вот "Пал Палыча" я до сих пор не нашел.

— Будем искать.

— Будем, а где, кстати, Андрей и Витька?

— Андрей на встречу с человеком уехал, а Витька здесь крутится.

- Не в коня корм.
- Да-а, опером родиться надо.
- Может, телевизор включим, Матвеич?
- Я же тебе тысячу раз говорил, после 18 часов можешь хоть до утра смотреть, а днем нет, иди лучше списки старателей изучай.

Тут дверь приоткрылась, и показалась голова Юры Сергеевича. Оглядевшись, зашел и он сам. Валютчики уже привыкли к этой манере следователя Пимова и уже даже не шутили по этому поводу.

Для них Юрий Сергеевич, который был на год младше Пал Палыча, - лучший следователь РОВД. Во-первых, мужик, тогда как в последнее время следственные подразделения заполонили женщины, которых, по мнению Матвеича, на пушечный выстрел нельзя допускать к оперативной и следственной работе. Во-вторых, никогда не умничает и всегда выслушивает советы, и сам спросит, когда не знает, что выгодно отличало его от молодых следователей прокуратуры.

Юра с ходу начал жаловаться на свою несчастную судьбу:

- Опять дали дело дохлое, где их искать, что делать?

Пашка грубо оборвал его:

- Хватит придуриваться, лучше расскажи, где вчера гулял?

Матвеич, проявляя участие, спросил:

- А что за дело?

- Да это же знаете, что убийство было на Баранке неделю назад?

- Знать-то знаем, ну и что, нашли убийцев?

- В том-то и дело, что ни хрена не нашли, ушли куда-то, где их искать, глухарь будет.

Матвеич вспомнил, что слышал по этому делу. Где-то неделю назад поступила ориентировка о пропаже

жителя Магадана, выехавшего на своем автомобиле на трассу. Машину нашли в заброшенном поселке Баранке, что в 350 км от Магадана. Живший там в одиночестве дед ничего объяснить не мог, видимо боялся. Но картину происшедшего составили и без него. Знали, что кроме деда в поселке иногда появлялись двое бродяг, которые летом подрабатывали в артелях, а зимой бичевали. Одного прозвали Мизгирь, другого Сучок.

Видимо, магаданец подвез их откуда-то с трассы до Баранки, и здесь они его застрелили из малокалиберной винтовки, а машину сожгли. Но дед сказал, что они ушли, куда - неизвестно.

- Слышь, Матвеич, давай райотделовский вездеход возьмем на Чаглинах, - вдруг, меняя тему, сказал Пашка.

- Да Ерш хрен его даст, бережет на царскую охоту.

- Нам же его предназначали, а мы им ни разу не воспользовались.

- Ты что, Ерша не знаешь?

Как же, Паша хорошо знал начальника райотдела. Ерш не вмешивался в дела Матвеича, но ничем и не помогал.

Юра заинтересованно спросил:

- Опять куда-то собрались? Меня возьмете?

Команде Матвеича все завидовали, их независимости, частым поездкам в тайгу, сплоченности, результатам работы.

- Собирайся, через неделю-полторы поедem. Сможешь?

- Так, а куда все-таки?

- Смотри, вот на карте, видишь?

- Мужики, так это возле Баранки!

- Ну и что?

- Как что? Злодеи-то где-то здесь должны быть. Опера из соседнего РОВД звонили, говорили, что они куда-то в тайгу ушли, как раз в эту сторону.

- А ну-ка, Юра, расскажи подробно по делу, что и как. Я пока чай приготовлю или кофе.

- Давай кофе, в общем там, на Баранке, нашли машину пропавшего мужика, в сарае и труп его нашли, застреленный, а машина сгоревшая. Выезжали потом на место ребята из Сеймчана, но злодеев и след простыл. Нигде до сих пор не появлялись.

Матвеич приготовил два стакана кофе, себе и Юре. Пашка в его присутствии старался чай и кофе не пить, так как бесшумно это делать не мог, а фырканья и хлюпанья Матвеич терпеть не мог, о чем прямо как-то и сказал Паше. Юра тоже об этом знал и поэтому старался прихлебывать потише.

Матвеич уже думал, кого брать с собой, когда выезжать, где взять бензин и солярку. Пал Палыч сразу просек, о чем думает шеф, но по своей натуре молчать не мог:

- В общем, Юра, с тебя ящик, и едем, - хлопнул он по плечу следака.

- Давай дуй к Ершу за вездеходом, - отозвался Матвеич, - на такое дело он даст без разговоров.

Юра, забыв про кофе, выскочил из кабинета, и через минут восемь раздался звонок по прямому от начальника РОВД: "Зайди на минутку".

Матвеич, оставив Пашу в кабинете, направился к Ершову. Начальник отдела брал быка за рога сразу:

- Ну что, Матвеич, поедешь на вездеходе на Баранку? Возьмешь милиционера ППС, бензин найдем.

- Бензин - это хорошо, но милиционеров не надо сами справимся, я своих возьму и Пимова.

- Ну как знаешь.

Юра так и подскочил:

- У меня же сроки по другому делу, не могу ехать.

- Да ты нам и не нужен, мешать только будешь, в общем, Николаич, пошел я собираться, завтра выезжаем.

Матвеич вышел вместе с Юрой уже весь в предстоящей поездке. Надо еще площадку под вездеход найти, его ведь по трассе 300 километров не погонишь. Зайдя в кабинет, собрал все отделение, поставил задачу готовить «уазик», собраться самим - и утром в путь. Площадку за оставшееся время, конечно, не нашли, но выручил, как всегда, безотказный Гладилин, директор одного из предприятий. Выпив с ним по рюмке, Матвеич договорился, что завтра утром подгонят вездеход и погрузят его на гладилинский «КАМАЗ». На том и порешили.

Утром все шло по плану. Загрузили вездеход на «КАМАЗ» - и в путь. Снег уже перестал падать, ярко светило мартовское солнце, отражаясь от белой пелены, покрывавшей все вокруг первозданной чистотой. Впереди шел «УАЗ». Андрей молча гнал его со скоростью 100 км в час. Матвеич привычно поглядывал вокруг, высматривая куропаток. Сзади сидел Витька, время от времени бубнивший: "Андрюха, не гони".

«КАМАЗ» с вездеходом шли позади.

К двум часам «УАЗ» подъехал к стану артели "Самородок". На стане в эту пору еще никого не было за исключением механика и двух рабочих. Механик - старый знакомый Михаил - сразу без долгих разговоров предложил теплую комнату, где можно переночевать. Решили подождать «КАМАЗ», а потом уж пообедать и двигаться дальше. До избышек оставалось километров 60. Прождав понапрасну два часа, Матвеич понял, что

в этот день они уже никуда не поедут, и дал команду обедать.

Обедали без настроения, понимали, что-то случилось с «КАМАЗом».

"Хорошо, что сильных морозов уже нет, всего где-то градусов 26, — думал Матвеич, — хоть бы до темноты доехали".

Вышел с Андреем покурить на крыльцо, и тут же услышали отдаленное лязганье гусениц.

- Трактор, что ли? — сказал Матвеич.

- Да нет, это вездеход, — через пару минут отозвался Андрей.

- Что, своим ходом?

- Да вот они!

И точно, с трассы к шлагбауму двигался вездеход. Матвеич с Андреем подошли к нему, подбежал Витька. С минуту никто не показывался.

Затем из кабины вывалился Пашка в шапке на затылке, "уши" которой торчали в разные стороны. Чуть не упав, он выпрямился и на негнущихся ногах пошел к встречающим.

- Ну что, дождались, — сразу начал он громко кричать, — а мы сломались, то есть не мы, а «КАМАЗ» на 200-м километре.

- Чего ты орешь как оглашенный? — спросил Матвеич.

- Да он пьяный, Дмитрий Матвеич, — тут же отметил Витька.

- Не пьяный, а чуть выпивший, — отозвался Пашка.

- Какой там чуть, на ногах не стоит, — подтвердил серьезный Андрей.

- Да я в вездеходе 200 кмэ в этом грохоте, а вы

«пьяный», ну выпил сто граммов, — чуть тише сказал Пашка, стараясь не глядеть на Матвеича.

С другой стороны кабины показался Будник, серьезный и обстоятельный мужик, механик РОВД. Он был абсолютно трезвый. Улыбаясь, рассказал, что в «КАМАЗе» масло погнало, и пришлось на двухсотом километре разгружаться и гнать своим ходом. За «КАМАЗом» с поселка придет другая машина, так что все в порядке. Тут вспомнили про Ивана, не один же Пашка пил: "Нет, конечно, вон Ванька в будке вездехода спит".

С трудом разбудили Ивана и пошли в свою комнату. Поужинали и кое-как разместились. Андрей с Витькой легли на полу в спальниках, остальные на кроватях. Уснули, решив, что утро вечера мудренее.

Утром все встали отдохнувшие, бодрые, только Иван сразу не разобрал, где он, но, получив нагоняй, все вспомнил, свалил на Пашку, что тот заставил его пить эту гадость, а так он ни-ни, завязал.

Быстро собрались, оставили «УАЗ» на попечение механику и двинулись по снежной целине в тайгу. Поднялись на перевал: мело потихоньку, следов вокруг не было никаких. Смотревшие погнались вниз. Будник уверенно работал рычагами, грохот в кабине стоял невероятный, можно было понять Пашку. За вездеходом поднималось облако снежной пыли. Через час, остановившись, Матвеич провел короткое совещание. Решили подъехать на вездеходе к самой избушке. Если кто и убежит по такому снегу, то по следам догнать ничего не стоит. Вскоре за поворотом показалась избушка. Будник подогнал вездеход к дверям и лихо затормозил. Тут же из будки выскочили Андрей и Витька и заняли позиции по разным сторонам, приготовив автоматы. Подхватив свой «АКСУ-74», Матвеич пошел к дверям. Чуть поотстав, в стороне шел Паша.

Но дверь уже тихо открывалась, и в проеме показался человек в шапке и валенках.

Матвеич с ходу надел на него:

- Отойди в сторону. Кто еще там? Ты кто? Быстро отвечай!

Под этим напором, да еще при виде вездехода, вооруженных людей, человек, явно струхнув, затаился на месте и кое-как выдал из себя:

- Геолог я, а там еще один.

- Что, еще один геолог?

- Нет, не геолог, просто Славка.

- Давай зови просто Славку.

В это время в дверях показался и сам Славка, молодой худой пацан, он сразу заулыбался как-то облегченно и звонко брякнул:

- Здравсьте!

- Ну здравствуй, Славка. Оружие, золото, наркотики, самогонка, чай есть?

- Чай сейчас будет, а другого ничего нет, заходите.

Зашли в избушку, и здесь Матвеич уже официально представился, а за ним, как всегда, Пашка. В избушке было довольно-таки чисто, на печке закипал чайник, на столе еще стояли миски с гречневой кашей. Видимо, только пообедали. Спальных мест, как сразу определил Матвеич, было три.

- Так, ну и чем же занимаетесь, где третий?

Отвечал в основном Славка. Геолог Дима был какой-то пришибленный, робкий, видимо бывший интеллигент, то есть абсолютно неприспособленный ни к чему человек. Ничем они не занимаются, живут просто, а третий ушел позавчера, после обеда. Славка налил всем чая, поставил сахар, хлеб, извинился, что ничего больше нет. Сев с кружками на табурет, Матвеич повел разведочную беседу и в конце концов выяснил, что

Славку с Димой привел сюда две недели назад Борис Шулубин из Оротукана, показал им, где и как мыть золото, продукты все его, как и снаряжение. Он тоже с ними работал, намыли очень мало, буквально чуть-чуть, граммов десять. За это время только шурф успели пробить. То очень морозно было, около 50 градусов, то снег повалил. Борис позавчера ушел за продуктами. Он на лыжах дойдет до трассы, а там попуткой.

Матвеич и Пал Палыч видели, что они что-то недоговаривают, но пока молчали. Перекусив наскоро и напившись чая, начали осмотр избушки. Искали оружие и золото. Славка, поняв, что ищут, вытащил из щели маленький пакетик из фольги (любят же «хищники» эту фольгу). В пакетике было около двух граммов грязного бурого-желтого порошка. Остальное, по уверению Славки, унес Борис. Затем на лыжах пошли к месту разработки, которое находилось чуть ли не в километре от избушки.

Шурф представлял собой яму глубиной около двух с половиной метров, закрытую досками и двумя листами жести. Рядом, на ножках, стояла полубочка, под ней кострище, тут же лом, две лопаты, ведро. Вот и все механизмы. Пал Палыч только руками развел:

- Ну вы даете! Лучше уж сторожем где-то работать, и то больше заработаешь, да еще в тепле.

Затем он достал из-под полушубка "Полароид" и сделал пять снимков: общий вид, отдельно шурф, отдельно и бочку и инструменты, затем горе-старателей за работой в шурфе и возле их бочки. Славка только рот разинул, увидев, как работает "Полароид". Жалко было пацана до слез, ему бы учиться в институте, видно, что паренек смывленный и грамотный. Дима же произвел тягостное впечатление. Молодой, всего 34

года, геолог с высшим образованием, но какой-то неприиспособленный, сломала, видно, судьба, если очутился в таком месте.

Мороз крепчал, как всегда после снегопада наступили морозы, за тридцать уже, наверное. Пошли к избушке.

- Давай, мужики, собирайтесь, отвезем вас поближе к цивилизации, пока с голоду не умерли, - сказал Паша, закончив документировать изъятие золота, лопат и опросив старателей.

- Может, мы здесь останемся? - робко спросил Дима.

- Да, а что жрать будете? Гречки-то на два дня осталось, сахар и мука почти кончились, хлеба нет - сдохнете на хрен, - рассердился Паша.

- Да уж лучше поедем, не слушайте вы его, - быстро проговорил Славка.

Тут же Пал Палыч отправил Витьку и Андрея с Димой в вездеход укладываться в обратную дорогу, а сам с Матвеичем принялся за Славку.

- Ну, давай рассказывай теперь все, как было, - усевшись удобнее на табуретку, добродушно сказал он пареньку.

Славка, немного помолчав, стал рассказывать. Сам он приехал в Оротукан из Магадана, познакомился с Борисом, и, так как на работу не мог устроиться, то согласился идти с Борисом в тайгу мыть золото. Тайга и вольная жизнь ему понравились, любил он и поохотиться, у Бориса ружье было. А Дима с Борисом знакомы давно, его жена бросила, он начал запивать, а тайга его лечит, водки же не наберешь на 2-3 месяца. Рассчитывали намыть не меньше 2 кг. Борис мужик честный, справедливый, с ним легко было в тайге, а позавчера пришли в обед два мужика из тайги. Страшные до жути - Славка аж передернулся, вспомнив их. Разговаривали какими-то намеками. Пообедали с ними, а

потом они потребовали отдать им намытое золото. Бориса застали врасплох, направив на него мелкашку, а Дима со Славкой и так чуть живые от страха сидели. Бандиты забрали ружье Бориса и пообещали всех здесь кончить, а избушку спалить, если не отдадут золото по-хорошему. Славка говорил, что таких жутких разбойников и в кино никогда не видел.

- Это варнаки! - сказал Матвеич. - Их раньше в Сибири сразу убивали как бешеных собак.

Понимая, что беды не избежать, Борис отдал им десять граммов намытого металла и сказал, что остальное золото в другой избушке, ближе к трассе. Забрав почти все продукты: хлеб, тушенку, сахар, макароны, бандиты ушли с Борисом в другую избушку, предварительно связав ему руки.

- Что же вы сразу не рассказали? - изумился Паша.

- Да боялись очень, они же сказали, что убьют, если кому расскажем.

- А Борис? Его уже, наверное, застрелили, - сказал Матвеич, - он же вас спасал.

Славка виновато опустил голову.

- Давай, Паша, быстро погнали к той избушке.

Спешно все погрузились в вездеход и помчались вверх на сопку. К избушке подъехали минут через тридцать. Но там следов уже не было видно, все вокруг занесло снегом. В самой избушке на столе валялись как попало кружки, корки хлеба, были и другие следы недавнего пребывания людей. Понятно, что они были здесь и ушли, видимо на трассу. Других избушек в округе не было на расстоянии километров 80, и в здравом уме никто бы не пошел по снежной целине неизвестно куда. Если Бориса и убили, то сейчас все равно не найдешь, только в июне, когда растает снег.

«Может быть, на Баранку пошли или на стан артели», - прикидывал Матвеич.

Помчались на стан. Там стояла тишина. Но навстречу уже спешил механик. Подойдя к выскочившим из вездехода операм, поздоровался, сдержанно улыбаясь, и огородил: "Поймали бандитов!"

- Как, где, кто? - разом посыпались вопросы.

Но Михаил знал только то, что рассказал ему заезжавший утром председатель артели, ехавший в город. А рассказал он, что бандитов задержали сотрудники Оротуканского ПОМа, и их должны отправить в РОВД.

"Ну что ж, наше дело теперь доставить свидетелей Славку и Диму в РОВД да задержанных передать следователю", - подумал Матвеич и дал команду перекусить и собираться домой.

Отправив задержанных с Витькой и Андреем на «УАЗе», сам с остальными поехал на вездеходе тайгой. В тайге же и переночевали. Утром прибыли в РОВД. Все было как всегда. Без Матвеича никто и пальцем не пошевелил. Доставленных поздно вечером Славку и Диму Андрей никуда определить не смог, дежурный на себя ответственность взять не мог, следователь тоже. И Андрей оставил их в Ленинской комнате, напоил чаем, дал пару старых шинелей и, наказав дежурному не выпускать их из отдела, сам с Витькой ушел отдыхать.

Материал по незаконной разработке недр дежурный без подписи начальника регистрировать тоже не стал. С ходу разобравшись в обстоятельствах, Матвеич, обматерив дежурного, заставил зарегистрировать материал, передал его следователю. Потом доложил начальнику РОВД о результатах поездки. Ерш, довольно улыбаясь, сказал, что убийц задержали оротуканцы, и за ними уже выслали машину с конвоем, к вечеру привезут.

Затем Матвеич решил проблему со Славкой и Димой. В ИВС закрывать их не хотелось, и он тут же

договорился со следователем Ириной Небешенко, которой передали дело, что она обеспечит их явку в любое время, а закрывать их не следует.

Завел их к себе в кабинет, напоил чаем с печеньем и объяснил, что придется пожить в поселке дней десять. Славка откровенно обрадовался, что их не посадят, а Дима только уныло качал головой. Переговорив, Матвеич отправил их с Пал Палычем устраиваться, дав им денег на еду, так как у них не было ни копейки. Устроил он их в однокомнатной квартире одного из своих нештатных сотрудников, уехавшего в отпуск на материк. Так в заботах и пролетел день. Вечером Матвеич с Пашей навестили своих подопечных.

Славка уже навел порядок в квартире, помыл пол, вынес мусор и готовил ужин, а Дима смотрел телевизор.

Предупредив, чтобы утром пришли в отдел, пожелав им спокойной ночи, разошлись по домам. Дома у них уже привыкли к частым выездам на трассу, на охоту, на рыбалку.

На следующее утро собрались в кабинете у Матвеича, и Пимов рассказал им, как и кто задержал злодеев. Ему это поведал на допросе задержанный Мизгирь.

Связав Борису Шулубину руки, бандиты погнали его впереди себя на лыжах, а сами шли следом с винтовкой и заряженным оружием в руках. Несмотря на связанные руки, они вначале побаивались Бориса, так как он мужик здоровый, крепкий, а они оба были недомерками худыми и насквозь прокуренными и пропитыми. В схватке Борис одолел бы обоих сразу за пару минут. Но, увидев покорность Шулубина и ощущая в руках оружие, бандиты постепенно успокоились и уже не так бдительно следили за своим пленником.

Часа через три подошли к избушке. Сняв лыжи, Мизгирь зашел в избушку, сказав Сучку, чтобы он помог снять лыжи пленнику. Тут все и произошло.

Едва Сучок отвязал одну лыжу Борису, как тут же получил страшный удар ногой в лицо и потерял сознание. Борис уже умудрился развязать руки и, сноровисто скинув вторую лыжу, накинул петлю на руки Сучка, затянул потуже и завязал. Затем, поддельваясь под голос незадачливого конвоира, позвал Мизгиря. Тот, ничего не подозревая, открыл дверь и вышел наружу, зажмурившись от слепящего снега и... очнувшись уже в снегу со связанными руками.

Лица он почти не чувствовал, ощущая только страшную боль в голове. Рядом лежал скорчившись Сучок и умолял Бориса не убивать его. Борис же молча перезарядил ружье, закинул мелкашку за спину и затем, подняв легко Сучка за шиворот, подвел его к лыжам и заставил надеть их на ноги. Так же он сделал и с Мизгирем. Только тот не мог почти стоять и все норовил упасть и зарыться гудевшей головой в снег. Борис, поддавая ему пинками, приговаривал:

- Стой, сука, не падай, а то убью, золота захотел, так держись - я отвезу вас к нему поближе, гниды таежные, твари.

С трудом поставив Мизгиря на лыжи, Борис повел их связанных между собой на трассу. Те, боясь даже лишнее слово сказать (убьет ведь, и никто не найдет), покорно брели навстречу своей незадачливой судьбе. Через два часа вышли на трассу. Здесь Борис остановил первый же попутный «КАМАЗ», объяснил ситуацию водителю. И они вдвоем затолкали бандитов в кабину, надежно связали и через час доставили их в Оротуканский ПОМ. Борис, написав объяснение, скрылся, так как понимал, что его самого могут задержать за незаконную разработку недр.

Выслушав Юру, Матвеич задумчиво покачал головой и сказал, что этому Борису медаль надо дать и

денежную премию. Тем не менее его объявили в розыск. (Но так и не нашли).

А со Славкой тоже непростая история, оказывается, была. Жил он с сентября на Украине, и, когда ему исполнилось 18, призвали в Украинскую армию, но служить сечевиком Славка не захотел и, имея мечту служить в Российской армии, махнул без документов и денег через Украину и всю Россию попутками аж до Охотского моря, где в Магадане проживал дядька. Но у дядьки Славка продержался недолго по причине его, дядино, беспробудного пьянства и очутился в Оротукане, где хотел устроиться в артель, но туда брали только с мая, и он пошел к Борису.

Варнаков за убийство осудил гуманный суд сроком на 6 лет каждого. Через 6 лет Матвеич, проезжая по трассе, заехал навестить деда, одиноко проживавшего на Баранке, и здесь неожиданно встретил исхудавшего, почти беззубого Мизгиря. Но это уже другая история.

Наледь

- Смотри, Матвеич, ломиком намахаешься - там наледь страшная.

Под это напутствие долговязого дежурного Синегоров с Игорем выехали из поселка.

- Ты слышал, Игорь? Едем до первой наледи и сразу разворачиваемся.

- Да ладно, все понятно, а сколько до поселка?

- Какой там поселок! Одно название: дома все брошенные, семья оленеводов живет, и больше никого. А ехать километров восемьдесят.

- За три часа обернемся.

- Лучше не загадывай, тайга, однако. Хорошо что мороза нет, всего градусов тридцать, а то оделся как турист городской.

- В машине же тепло.

- Правильно, когда движок работает. А когда встанем?

- Не переживай, Матвеич, машина надежная.

Через семьдесят километров увидели на дороге людей. Один из них издали замахал рукой.

- Чего это они, кто такие? - удивился Игорь.

- Наледь же там, а это оленеводы.

- Чукчи, что ли?

- Чукчи на Чукотке, а это орочи и эвены.

Машина остановилась перед спуском с пригорка, внизу блестела гладкая как стекло наледь. Синегоров вылез из «уазика» и поздоровался с оленеводами. Ста-

рика Егора узнал сразу и сначала пожал руку ему. Потом поздоровался с двумя другими - Васей и Мишей. Егор предупредил:

- Дальше нельзя, однако: наледь шибко большая.

И добавил, что они на "Буране" не рискнули ехать по ней. "Буран" стоял дальше, сразу за наледью.

- А вы откуда и куда? - спросил Синегоров.

- Да вот, с поселка возвращаемся на стоянку, сейчас объедем стороной эту наледь и покатым, - ответил Егор.

Синегоров повернулся к машине и крикнул: "Игорь, разворачивайся, поедem назад!" - и, снова повернувшись, стал расспрашивать Егора, кто в поселке, как олени. Егор охотно отвечал, но вдруг смолк и уставился через плечо Синегорова. Тот, чувствуя неладное, обернулся и остолбенел. «УАЗ» скатывался с пригорка прямо на наледь! Понимая, что уже поздно, они с Егором молча смотрели, как «УАЗ» въехал на наледь, и тут же раздался треск. Лед проломился, и машина по самым дверцам ухнула в воду. Потом уже дверца медленно открылась, и на лед осторожно выбрался Игорь. Он деловито обошел кругом машины и снова полез в нее.

Тут уже Синегоров не вытерпел:

- Чего ты в машину полез, долбодыр?! Доставай лом и долби лед, если мозгов нет!

- Да я же развернуться хотел на ровном месте, кто же знал.

- Ишак ты бухарский, тебе же говорили! До первой наледи!

- Что же теперь делать?

- Пойдем в поселок, может там кто остановился на машине на ночь, сами все равно не вытащим.

- А чукчи куда?

- Это эвены. Они на свою стоянку, в сторону, едут.
- Матвеич, не отпускай их, пусть нас отвезут.
- Куда? Еще дальше в тайгу? Мы за неделю оттуда не выберемся. - Синегоров повернулся к старому оленеводу: - Ну что, Егор, поехали в поселок?

Тот подумал, а потом махнул рукой:

- Поехали!

Игорь вытащил рюкзаки, ружье и закрыл «УАЗ» на замок. Синегоров только головой покачал. Вася с Мишей сели на свой снегоход, остальные уселись на нарты и в незаметно надвинувшихся сумерках двинулись в поселок, до которого оставалось всего девять километров.

На полпути влетели в другую наледь и еле успели соскочить с нарт. Оставшуюся дорогу шли пешком. Синегоров по дороге рассказывал Игорю страшные таежные истории. Но тот уже и без этих историй впал в тихую панику и только спрашивал, как же теперь выбираться отсюда.

- Пешком за два дня выйдем, избушки по дороге я знаю, в одной пообедаем, в другой переночуем, - отвечал Синегоров

- Мы же не дойдем! - ужасался Игорь.

- Жить захочешь - дойдешь.

В поселке все разместились в двух домиках, где жили оленеводы. Здесь за столом, на который Синегоров выставил, к сдержанной радости Егора и Васи, бутылку водки, обсудили, как быть дальше. Оказалось, что есть еще один снегоход, но в нем сломалась какая-то деталь. Игорь, выяснив, что это за деталь, пообещал утром помочь.

С утра до обеда Игорь не выходил из сарая и все-таки добился своего. Снегоход заработал. За обедом выяснилось, что пока ремонтировали "Буран", Игорь

уговорил Васю и Мишу отвезти их до самого поселка. Синегоров посмотрел на Егора, тот подумал-подумал и согласился, что подождет здесь пару дней. Оленеводы дали в дорогу шубы, валенки, рукавицы. Облачившись в теплую одежду, Синегоров с Игорем улеглись на нарты, закутались со всех сторон, и Вася с Мишей, сменяясь за рулем, погнали "Буран".

Всю дорогу преодолели за четыре часа, в пути останавливались и энергично разминались. Синегоров еще раз порадовался, что мороз не превышал 30 градусов.

Приехав в поселок, Синегоров сразу пошел к своему старому знакомому - участковому Лиеву. Тот только головой покачал:

- Угораздило же вас! Но ничего, сейчас поужинаем, а утром разберемся.

В гостеприимном доме Игорь сразу отошел и уже сам смеялся над своими страхами. Но вспомнив, что машина в тайге вмерзает в наледь, снова загрустил. Лиев быстро развеял его опасения, пообещав найти утром машину и помочь вытащить «уазик».

Утром действительно подъехал «ГАЗ-66», и не мешкая они поехали за своей машиной. Мороз с утра усилился, и по прогнозу обещали до минус пятидесяти.

«УАЗ» вмерз, казалось, навечно.

Водитель «ГАЗ-66» Олег вытащил из будки своей машины два лома и, воткнув их в снег, начал растапливать печку, установленную в будке. Мороз все крепчал.

Синегоров ухватил лом что побольше и, с трудом охватывая его руками, начал долбить лед вокруг «УАЗа». Ударив несколько раз и, он понял, что этот лом не для него, и поменялся с Игорем. Взяв другой, сначала даже не почувствовал его в руках - такой он был легкий и тонкий. И толку от этих ломов не было никакого. Между тем Олег затопил печку, закрыл буд-

ку и возился с чем-то возле своей машины. Игорь, начиная злиться от бесполезной работы с ломami, бурчал, что Олег не помогает и так они до утра не выдолбят. Синегоров отвечал:

- Скажи спасибо, что сюда привез, а долбить будем сами, на то ты и долбодыр.

Прошло полчаса, мороз крепчал. И вдруг затрещал мотор, и к «УАЗу» подошел Олег с бензопилой в руках. Он молча обошел машину, примерился и вогнал пилу в лед. На глазах происходило чудо. Игорь радостно улыбался, притопывая от мороза и возбуждения.

Меньше чем за час «УАЗ» был выпилен из льда, осталось только выдернуть. Но не тут-то было. Наледь не отпускала свою добычу. «УАЗ» уперся фаркопом в берег, и вытащить его «ГАЗ-66» не мог. Бросив бесполезные усилия, замерзшие забрались снова в будку греться. Допили бутылку водки, закусили хлебом, салом, и тут Игорь увидел на полу под нарами жесткую сцепку.

- Олег, нам же надо приподнять «уазик» и выдернуть на берег, так? Давайте поставим эту сцепку и трос пустим поверх нее.

Так и сделали. «УАЗ» выскочил из наледи с первой же попытки. На его мостах, кардане, днище примерзли огромные куски льда. Быстро откололи лед, Игорь завел движок, но мосты замерзли насмерть - мороз доходил уже до минус 50. По очереди грели мосты паяльной лампой и сами грелись у печки водкой. На таком морозе алкоголь не брал, и допивали уже третью бутылку.

Наконец машину отогрели и уже в темноте поехали в поселок. За ночь «уазик» отогрелся в теплом гараже и утром благополучно выехали домой.

Больше Синегоров с Игорем дальше 95-го километра не ездил.

Босиком

В июле даже на Колыме жарко. И в один из первых июльских дней в разгар старательского сезона Синегоров, начальник отделения по борьбе с хищениями драгоценных металлов и минералов, а проще "валютного" отделения одного из колымских РОВД, известный в народе по отчеству Матвеич, поднимался на «уазике» по вконец размытой ручьями дороге вверх по перевалу.

«УАЗ» кидало из стороны в сторону, ветки кустарников били по стеклам. На пассажирском сиденье, вцепившись руками в поручень, сидел друг Матвеича Казимир, заядлый рыбак и охотник, все свободное время проводивший в тайге. Сейчас они ехали на разведку на один из золотоносных ручьев, где могли появиться "хищники". Это почти те же старатели, только добывающие золото так называемыми малыми формами (лотками и проходнушками). "Хищники" преследовались по уголовному закону и подлежали "отлову" и осуждению народным судом, который обычно приговаривал их к штрафу, условному сроку либо исправительным работам до полугода. Золото, естественно, поступало в доход государства. Судя по тяжести наказания, большого вреда «хищники» государству не причиняли, а, по мнению Матвеича, даже приносили пользу благодаря своему каторжному труду, но требовались показатели по этому виду преступления, и приходилось вылавливать по тайге незадачливых "хищников", которым по разным причинам не удалось устроиться в старательскую артель.

Среди них попадались и другие: у таких при виде желтого металла начинали трястись руки и глаза загорались дьявольским огнем. Чаще всего они пропадали безвестно в тайге, так и не найдя вожака «кармана», полного золотых самородков. А может, кто и находил.

До перевала не доехали метров двести. Дальше дорога была покрыта двумя сплошными языками снега, ярко блестевшего над лучами солнца. Обувшись в болотники, друзья надели рюкзаки, закинули оружие за плечи (у Матвеича - карабин "Сайга", у Казимира - старая двустволка) и двинулись дальше пешим порядком.

Первый язык прошли по узенькой тропинке между таявшим снегом и головокружительной пропастью, усаженной огромными валунами. По другому языку пришлось идти прямо по снегу. Снег подтаял, покрылся коркой, и двигаться приходилось медленно, пробивая снег на каждом шагу, чтобы, поскользнувшись, не загнать вниз метров так на 300-400. Зато было прохладно. Но вот снег кончился, и дальше тропинка метров через 10 превратилась снова в дорогу. "К концу месяца растает и сможем уже на машине проехать", - подумал Матвеич, поджидая Казимира. Вокруг была такая красота, что только на Колыме и увидишь. Может, на Бали каком-нибудь и красивее, но здесь царила первозданная дикая суровая природа. Вверху на сопках лежал снег, вокруг цвели рододендроны, а внизу растилась кедровый стланик. Далеко в дымке синели сопки, парил орел, и тишина, оглушающая тишина. Чистый воздух, чистая вода.

- «Скажи, но для чего тогда блистательные гордые султаны? Рабы и нищие зачем тогда?» - пробормотал Матвеич из любимого Хайяма. Казимир же глядел в

бинокль и ворчал на свою беспокойную лайку, которая по своей молодости еще не понимала всей важности момента.

Вниз пошли ходко и остановились через час, когда на тропе появились первые свежие медвежьи следы.

- Всю дорогу загадил, засранец, - ворчал Казимир, - утром прошел.

Жара усиливалась, парило, комары совсем озверели, и идти становилось трудней.

Но привычные к переходам, друзья шли, почти не сбавляя шаг, только зарядили на всякий случай оружие. То и дело приходилось откатывать болотники и переходить ручьи и речки, благо в это время охлаждались ноги. Через три часа, пройдя 17 километров, подошли к ручью, обошли его вверх и вниз, но никаких признаков "хищников" не нашли.

Остановились на косе между двумя протоками, быстро соорудили костер, подвесили котелки. Матвеич, как обычно в таких условиях, разулся, разделся по пояс и от души поплескался в ручье. Вода уже закипела, и они, заварив лапшу, сели обедать. Не торопясь поели и принялись за чай.

- Такого чая дома не попьешь, - рассуждал Матвеич.

Казимир охотно соглашался.

Матвеич уже начинал третий стакан (любил пить чай из стакана) и между прочим спросил:

- Казик, а как хозяина настоящее имя?

- Ну как, медведь, как еще, - отозвался Казимир, посмеиваясь: опять Матвеич что-то мудрит.

- Нет, медведь - это медоед, тоже псевдоним, славяне придумали, а настоящего имени его никто и не знает, а если и произнесешь его настоящее имя - тут он и появится.

В это время пес Искерий востепенулся, вскочил и, застыв на месте, стал вглядываться в кусты на другом берегу ручья.

- Чего ты вскочил, балбес? - прикрикнул Казимир. Но в это время Матвейч уже увидел на другом берегу метрах в шестидесяти медвежью морду, а потом и всего медведя.

Медведь был красавец: светло-коричневого цвета и с белым широким галстуком на груди. Он удивленно смотрел на них и не двигался. Искерий от страха заливался лаем - такого зверя он увидел первый раз в своей еще короткой жизни.

Казимир тут же вскочил и схватил попавшийся ему под руку карабин Матвейча.

- Подожди, - сказал Матвейч, - может, уйдет.

Казимир молча целился и ждал. Матвейч осторожно (босиком по гальке не побегаешь) обогнул его, нагнулся, поднял ружье и, уже выпрямляясь, глянул в сторону ручья. Искерий в это время обезумел от лая. На другой стороне из кустов показалась еще одна огромная черная медвежья голова. Выпрямившись, Матвейч сдавленно крикнул Казимиру:

- Казик, медведь!

Тот, перебирая босыми ногами, продолжал держать на мушке первого медведя и приговаривал:

- Вижу-вижу.

Огромный черный медведь уже весь поднялся из кустов, свалился в ручей и, подняв тучу брызг, пошел на людей. И тут лайка, обезумев от страха, злости и собственной отваги, бросилась на зверя. Медведь остановился, поднялся на задние лапы во весь свой громадный рост и зарычал на собаку. В это время Матвейч уже вскинул ружье и нажал спуск. Но он привык к своему ружью, а на ружье Казимира надо было взводить курок. В тот же миг Казимир повернулся и тоже нажал спуск карабина с таким же результатом. Карабин был на предохранителе.

Картина была потрясающая. Огромный черный медведь стоял на задних лапах в 10 метрах от двух босоногих людей, застывших с ружьями, рычал на маленькую лайку, почти щенка, которая, захлебываясь от ярости, прыгала вокруг него. И тут почти одновременно Казимир хладнокровно щелкнул предохранителем и выстрелил, а Матвейч взвел курок и тоже выстрелил. Пуля из "Сайги" пробила плечо медведя, но он даже не покачнулся, а следующая пуля из ружья 12 калибра ударила в грудь, и гигант, заревев от боли, стал оседать, вторая ружейная пуля уложила его на гальку.

И наступила тишина.

Искерий мгновенно смолк, Матвейч уже прикурил сигарету, неизвестно как попавшую ему в руки, а Казимир глядел вперед, тщетно пытаясь увидеть другого медведя. Только сейчас они почувствовали, как больно стоять босиком на гальке, тут же обулись, подошли к громадной туше, держа наготове ружья. Обе раны, видимо, были смертельны. Ну, еще бы, с такого расстояния в упор! А карабинная пуля прошла навывлет.

- Вот и надейся на карабин, - огорченно сказал Матвейч.

Казимир вдруг рассмеялся:

- А главное - босиком!

- Да-а, если что, так и удирали бы босиком, ног не чуя. Но Искерию спасибо! Молодец пес - медвежатником будет.

- Слышь, Матвейч, они ведь парой шли. Гуляют, а он, видать, приревновал нас к той красавице.

- А нам что оставалось делать, самооборона, да и не превысили необходимых мер: через полминуты он бы нас на куски порвал, и правильно - не хватай чужое оружие!

- Да я думал, стрелять-то не придется, и взял что

поближе, - оправдывался Казик. - Ну ладно, попьем еще чаю, да возвращаться пора.

- И главное - босиком, - не унимался Казимир.

Возвращаться было трудней. Все время шли вверх на перевал, да еще тащили тяжеленную шкуру. После обеда было не так жарко, но комары словно осатанели. Дойдя до очередного ручья, поплескались в воде и, намазавшись "Дэтой", двинулись дальше и выше. Дошли, наконец, до перевала, обтерли с наслаждением лица и руки снегом и пошли по подтаявшей корке снежного языка. И тут-то Матвеич, потеряв осторожность, неумело проломил наст, поскользнулся, упал на бок и покатился вниз. С ужасом чувствуя, что сейчас сорвется с крутого склона и загремит вниз по камням, Матвеич умудрился со шкурой на плечах повернуться на живот и, пробив пальцами обеих рук крепкую корку наста, удержаться на снежном языке буквально на последнем метре, дальше уже был обрыв.

- Казимир, - сдавленно прохрипел он, - топчи снег, держись.

Казимир осторожно обошел его сверху, протоптал как следует сбоку снег и, протянув руку, помог Матвеичу встать на утоптаный снег. Второй язык прошли уже по протоптанной тропинке без приключений. Поглядев вниз, Матвеич покачал головой и сказал Казиму:

- По кускам бы собирали.

Казик ответил:

- Это медведь отомстил за свою шкуру.

Через месяц, когда полностью растаял снег, они снова поехали по этой дороге. Но это уже другая история.

Мишка-воришка

На берегу мест уже не было. Через каждые 20-30 метров виднелись натянутые фалы сетей, в море белели поплавки, около костров и машин кучковались мужики, почти все сплошь в камуфляже. Синегоров сразу определил, что рыба не идет: лодки почти все лежали на берегу и никто не суется возле сетей. Как водится, нашли знакомых рыбаков и присоединились к ним. Матвеич сразу занялся костром, а остальные пошли ставить сеть. Остальные - это Юра, опер из отдела Синегорова, Михалыч, старый его друг, два рыбака-профессионала Игнат и Николай. Пока Матвеич собирал плавник, сооружал костер, они быстро накачали лодку, завели якорь и натянули сеть.

- Ну, ловись, рыбка, большая и маленькая, - провозгласил Синегоров и жестом пригласил всех "к столу": расстеленной плащ-палатке, на которой уже лежали продукты и посуда. - Так, мужики, сейчас перекусим, чаю выпьем, а вечером уже уху сварим, тогда и водочки выпьем, согласны?

Михалыч сразу запротестовал:

- Чего до вечера ждать, на природу ведь уже выехали, надо отметить, - и посмотрел на всех, ища поддержки.

Николай, который сам спиртного в рот не брал, посочувствовал:

- А как же, обязательно выпить надо.

Юра тактично промолчал.

- Ну ладно, отметим, только кто рыбу таскать будет?

- Будет рыба, перетаскаем, - приободрился Михалыч.

Синегоров разлил водку, и выпили за природу, вторую за тех, кто в море. И в это время вода возле сетки забурлила, поплавки закачались, тут же и в другом месте забурлило. Николай радостно закричал:

- Две штуки влетели! - и побежал к лодке.

Минут через десять он торжественно поднес к костру двух здоровенных кетин. Выпили еще по одной за успешное начало, и за следующими двумя поплыл уже Михалыч. Николай же решил пройтись по берегу, посмотреть, как идет рыбалка. Матвеич с Юрой убрали продукты, подобрали еще плавника для костра и сели пить чай. Игнат помогал Михалычу справляться с рыбой.

Где-то через час, когда начался отлив, показался Николай. Он подошел к костру, изнемогая от смеха.

- Что случилось?

- Мужики, не поверите!

- Давай-давай, рассказывай!

- Прошел я по всему участку, вон, где лес к берегу подходит, стоят мои знакомые ребята. Стоят уже второй день, рыбы наловили хорошо, и вот сегодня утром раненько из леса выходит "хозяин тайги" - и к ним. Они перепугались: что делать, оружия нет, кинулись в лодки и в море. А он подошел, разодрал все мешки с рыбой, пожрал самок, головы почти у всех пооткусывал и спокойно ушел. Что делать? Ребята и послали одного на машине за охотоведом, благо, поселок-то рядом. Через некоторое время машина вернулась, выходит охотовед с папкой, спросил, где медведь, и спокойно пошел с этой дурацкой папкой в лес. Ребята остолбенели и ждут. Минут через десять из леса прыжками выскочил этот натуралист, а за ним медведь. Бежит охото-

вед, папкой отмахивается и кричит: "Педераст! Педераст!" Потом медведь отстал, повернулся и ушел в лес, а бледный охотовед сел в машину и уехал, - рассказал Николай.

Мужики вокруг ржали.

- Он что, протокол пошел составлять? - сквозь слезы спрашивал Матвеич.

- А почему "педераст", откуда он так уверен? Штаны-то на нем были? - хохотал Михалыч.

Вдоволь повеселившись, принялись за дело. Николай с Игнатом протрясли сеть от водорослей, Юра занялся машиной, а Синегоров с Михалычем пошли собирать плавник. К вечеру начался прилив и пошла рыба. Пока мужики сутились на берегу, Матвеич сварил уху и затем позвал всех ужинать.

Пужинав, Коля с Игнатом пошли спать в свой "Москвич". Немного погодя ушел и Юра, решивший спать в «уазике». А Синегоров с Михалычем еще долго сидели у догорающего костра. Уже начал моросить мелкий дождь, а они все сидели, почти не разговаривая, глядели на ночное море и, допив водку, пили чай. И уже когда костер почти догорел, улеглись прямо здесь в своих спальниках. Синегоров, застегивая свой мешок, подумал, что из него пока выскочишь... Проснулся он от шума. И сразу ничего не мог сообразить. Тьма стояла непроглядная, дождя уже не было, море не шумело, а со стороны машин кто-то орал дурным голосом:

- Я на него поссал! Я на него поссал!

Ничего не понимая, Синегоров стал прислушиваться, но услышав "Медведь, медведь рыбу жрет!", мгновенно выскочил из спальника уже с пистолетом в руке. Потом он так и не мог вспомнить, как это проделал.

Выбравшись из мешка, лег на песок и стал смотреть снизу вверх. На фоне неба разглядел машины, и возле

одной из них кто-то метался, потом мелькнула другая тень, ближе. Куда стрелять? Кто из них медведь? Щелкнув предохранителем, Синегоров на четвереньках двинулся вперед, напряженно вглядываясь в темноту. Добравшись таким образом до «УАЗа», открыл дверь и спросил Юру:

- Ну что здесь? Где медведь?

Тот сидел на заднем сиденье и, так же вглядываясь, ответил, что сам ничего не понимает, но кричал Игнат. Засветили фары, но никого не увидели. На "Москвиче" тоже включились фары, и оттуда раздался голос Николая:

- Удрал уже!

Синегоров тихо вышел из машины и осторожно подошел к "Москвичу". Оттуда уже вылез Игнат и возмущенным голосом начал кричать:

- Да он, гад, всю рыбу сожрал! Я вышел из машины, отошел немного и только стал отливать, а он, падлюка, прямо передо мной рыбу жрет!

В это время Юра развернул «УАЗ» и направил фары на мешки с рыбой. Подошли поближе, и все разразилось матом. Все мешки были разодраны, из них вываливалась распоротая, обезображенная рыба.

- Вот сволочь, он только самок выбирал и икру жрал, всю рыбу испохабил! - заметил Николай.

Отругавшись, переложили оставшуюся целой рыбу в новые мешки и уложили их под «УАЗ». Наказав Юру не спать, разошлись по своим местам. Синегоров разворошил угли, подложил сухих веток из-под спальника и улегся снова на песок. Михалыч так и не пошевелился. Утром он долго не мог поверить, что их рыбу пожрал медведь, и, только увидев разодранные мешки и рыбу, изумился:

- Как же я ничего не слышал?

- Да ты храпел сам, как медведь, - съехидничал Синегоров.

- А мог бы и нас сожрать, - заметил Михалыч.

- Да, тебя бы первого, вон какой живот отрастил!

Вконец расстроившись, Михалыч, даже не допив чай, приготовленный Синегоровым, пошел к соседям, которые выбрались из палатки и начали налаживать костер. Вернулся он через 15 минут и уже в другом настроении. Радостно улыбаясь, налил себе чаю и рассказал про соседей. Подойдя к ним, Михалыч поведал про ночного разбойника и спросил, не слышали ли они криков. Мужики легли спать поздно и ничего не слышали. Вдоволь насмеявшись, они решили показать Михалычу свой улов, лежавший у задней стенки палатки. Обошли палатку и остолбенели! Все мешки были разодраны, и вокруг валялась обезображенная, вспоротая и без голов рыба.

- Видели бы вы их! - закончил Михалыч свой веселый рассказ.

- Ну ничего, мужики, за день еще наловим, - успокоил всех Николай.

Но за весь день в сеть влетело пять или шесть кетин, и на этом рыбалка закончилась. Возвращаясь домой, остановились на два часа перед подъемом на перевал и набрали еще по ведру грибов. Всю дорогу вспоминали ночной переполох и веселились от души. Да еще вдруг Михалыч вспомнил анекдот: едет повозка по дороге, останавливает ее на перекрестке человек и спрашивает возницу: "То Таллина талеко?" - "Нет, не талеко, часа полтора, сатись". Сел мужик в повозку и поехал. Через полтора часа спрашивает опять: "То Таллина талеко?" - "Теперь талеко, часа три".

Хохотали всю дорогу.

Волки

- Ну что, выяснил? - спросил Синегоров.

- Какая-то хреновина получается, - ответил Пал Палыч, - все что-то знают, что-то в воздухе носится, два кэгэ вроде бы, но где?

Матвеич задумчиво покрутил в руке деревянную линейку. Вот уже три дня как они с Пашей Захарченко получили туманную информацию, что кто-то привез в поселок 2 килограмма промышленного золота и собирается его продать, но никаких подробностей известно не было. Тем не менее они чувствовали, что действительно кто-то привез золото. Но кто? Оперативники задействовали все силы, но пока безрезультатно, оставалось только гадать.

- Матвеич, давай на охоту съездим, куропаток постреляем, - предложил Паша.

- Поедем утром пораньше, возьмем Казимира, а то он без охоты совсем скис, - согласился Синегоров.

Рано утром Паша заехал за ним на «уазике». На заднем сиденье уже сидели Казимир и Чемоданов. Матвеич поздоровался, спросил:

- А ты как сюда попал?

Чемодан заулыбался:

- А как же без меня?

Действительно, куда без Чемодана. Проехав несколько десятков километров по трассе, свернули на проселочную дорогу и сразу же увидели на снегу свежие следы.

- Здоровые псы, - заметил Пал Палыч.

- Какие псы, волчары тут бегают, - опроверг его

юннатские наблюдения Казимир, - да причем недавно, только что.

- Догоним? - загорелся Паша.

Казимир с Чемоданом дружно его поддерживали.

- Ну, давай попробуй, - разрешил Синегоров.

Захарченко вдавил педаль до упора, и понеслись. Через пару километров один след побольше ушел влево и вверх - в тайгу, второй остался.

- Самец ушел, гад, по снегу не догонишь, а эта дура вперед прет, на себя отвлекает, - возбужденно говорил Казимир, а Паша скорость не сбавлял. Поворот следовал за поворотом.

«Хорошо что кусты кругом и сугробы, а впереди ведь откос, с него и свалиться недолго, ого, уже 120 в час», - думал Синегоров, вцепившись в поручень и вглядываясь вперед. Вот перед поворотом мелькнула светло-коричневая волчья фигура и тут же скрылась за поворотом.

- Жми, Паша, жми, - стонал Чемодан, - сейчас мы его завалим.

И вот наконец вышли на прямой 150-метровый отрезок, впереди мчался изо всех сил волк, до поворота ему оставалось метров 50. Пашка резко затормозил, и тут же с карабинами в руках выскочили Чемодан и Казимир. Синегоров с Пашей замерли, ожидая выстрелы. Но те целились и не стреляли.

- Да вы чего? - заорал Паша.

- Не попаду, не попаду, - бормотал Казимир и продолжал целиться.

Крякнув, Матвеич схватил свой карабин, выскочил из машины и почти не целясь ударил два раза. Волк уже был на повороте, и его занесло в кусты.

- Промазал! - крикнул Казимир.

- Завалил, - уверенно ответил Синегоров, - пошли.

Забыв про машину, побежали втроем к повороту. Паша тихо поехал за ними. Подбежав к повороту, увиде-

ли под кустами на снегу убитого хищника, обе пули попали прямо под хвост.

- Ну ты даешь, Матвеич! - восхищенно протянул Паша.

- Ты тоже мастер. Двадцать километров по такой дороге с такой скоростью, - отозвался Синегоров.

Волчица была огромная.

- Какой же волк тогда? Больше полярного? - спросил Чемодан.

- Это же горные волки, они самые здоровые, - ответил Матвеич, - все-таки мне думается, что это он хотел отвлечь нас от самки и пошел по снегу, а ей-то легче было бежать.

Казимир тут же взялся снимать шкуру с хищника, остальные, покуривая, смотрели, как это ловко у него получается. Через полчаса упакованная в мешок шкура лежала на обочине, а охотники, разложив закуску прямо на капоте, обмывали удачные выстрелы Матвеича. Паша предложил первый тост:

- За снайпера Матвеича, попавшего прямо в очко.

Выпили, и тут Матвеич признался, что он даже и не целился, стрелял навскидку, просто оружие хорошее. Казимир подтвердил:

- Да, бой у него отличный, в спичечный коробок за 100 метров не промажешь.

Второй тост Синегоров предложил за аса-водителя. После второй заговорили обо всем, то есть о работе. Матвеич почти не вслушивался в эти разговоры, думал о своем. И вдруг услышал, как Чемодан рассказывает, что из отдаленного поселка дня четыре назад приехал Виктор, бывший сотрудник милиции, по каким-то коммерческим делам, но вот уже дня два как пропал. Звонила несколько раз его жена, не может найти, и в райцентре его нет.

- А ты сам его видел? - спросил Матвеич.

- Ну да, вот как раз когда он приехал.

- А с кем он был, к кому приехал?

- Да вроде к Будкину, коммерсанту этому недоделанному, я их еще вместе видел.

«Вот так, - подумал Синегоров. - Какие же общие интересы у мента, хоть и бывшего, и бандита? Неужели это он привез металл?»

Допив бутылку водки, уселись в машину и поехали домой.

Когда Паша развез Чемодана и Казимира по домам, Матвеич спросил его:

- Ну что, понял?

- Точно он, - тут же ответил Паша. - Будка же в последнее время интерес к металлу стал проявлять, проторговался совсем, одни долги, коммерсант придурочный.

- Да, - подхватил Матвеич, - Виктор кафе открывает, ему деньги позарез нужны.

- Какое кафе?

- "Зангезур". Слышал?

- Да, знаю. Это его, оказывается?

- Куда же он пропал? В общем, так, Паша, найди сегодня же Андрея, пусть он по шестеркам будкинским поработает, лучше всего, если посадит кого суток на 10 - 15, а там посмотрим.

- Разрешите выполнять, товарищ майор!

- Выполняйте, товарищ капитан, утром доложите.

На этом они и расстались. Матвеич повез волчью шкуру знакомому охотнику по кличке "Пулькин", который мастерски их выделявал, а Пал Палыч поехал искать Андрея, оперуполномоченного уголовного розыска.

Утром Матвеич сразу после тягомотной никчемной планерки у начальника отдела Ершова позвал к себе Пал Палыча.

- Ну что, нашел вчера Андрея?
- А ты что, не в курсе? - вопросом ответил Пал Палыч.

- Чего не в курсе? Говори уж сразу.

- Да сидят уже оба на "сутках" и Пятак, и Куриная Жопа.

- Это кто такие?

- Ну ты даешь, это же погонялы* Бажанова и Трофимова - шестерок Будкиных.

- Будка - я понимаю: и башка здоровая, как у гидроцефала, и фамилия Будкин, а те почему так прозвались?

- У них же морды, у одного - свиное рыло, у другого на куриную гузку похоже.

- Как же Андрюха успел?

- Да ему не впервой.

- В общем, так, Паша, тебя учить не надо, через сутки чтоб информация была полная, что, где, когда. Ферштейн?

- Яволь, герр штурмбанфюрер!

- Гут! Давай занимайся, а я еще с одним барабанщиком поговорю.

Они даже не подозревали, что им принесет последующее утро.

Человек Матвеича подтвердил, что Виктора видели вместе с Будкой несколько раз, какие-то были у них дела. Но это еще ничего не значило. С кем только не вел дела бывший зэк Будка, в том числе и с начальником райотдела Ершовым, который оказывал ему покровительство.

А в это время в 6-й камере ИВС Пятак и Куржопа мучительно переживали похмелье и пугающую неизвестность. Особенно нервничал более молодой, ему еще

не было 18 лет, Куржопа. У него и воображение было богаче. Тем более что под утро приснилась ему страшная кирпичная стена в выбоинах от пуль. Он уже несколько раз просился в туалет, так что Пятак начал задумчиво поглядывать на него. До обеда их так никто и не вызвал. После обеда к ним в камеру втолкнули какого-то мужика. Тот не здороваясь сразу сел на нары, разулся, кинул свою куртку под голову и улегся. Куржопа дернулся было к нему, но Пятак взглядом остановил его и чуть заметно кивнул на руки мужика, сплошь синие от татуировки. Минут через 15 мужик уже тихонько похрапывал. Пятак вполголоса выговаривал напарнику:

- Ты что, законов не знаешь? Надо будет, сам расскажет о себе, а вопросов никогда не задавай, а то нарвешься. Может, еще вместе в зоне придется париться.

- Да ты что, какая зона? Меня и так уже всего трясет, стенка снилась.

- Какая стенка?

- Кирпичная, болван.

- А-а. А зеленой лоб тебе не мазали?

- Придурок, ты же первый начал.

- Заткнись, ты тоже стрелял.

- Так он уже готовый был.

- А кто докажет? Так что молчи, а то Будке скажу.

- Будка твой уже в Киргизии, наверное.

- Не гони, все нормально. Нам же всего по 10 суток дали.

- Какой хрен по десять. Вот увидишь, все раскопают и шлепнут. Какой же я дурак, что с тобой связался.

- Да ладно тебе, отсидим десять дней и сразу смоемся куда-нибудь подальше. Будка же пообещал капусты отвалить.

* П о г о н я л а - кличка (жаргон).

- Дождешься от него капусты, он же псих и нас еще перемочит, если рыжье не найдет.

В это время загремел замок, дверь приоткрылась, и постовой позвал Пятака.

Его провели на второй этаж, завели в какой-то кабинет, где за столом сидел незнакомый человек. Тот весело поздоровался с Пятаком и сразу предложил кофе или чаю. Пятак насторожился и сначала отказался, но хозяин не отставал. Насыпал растворимый кофе в две чашки, налил кипятку и одну пододвинул Пятаку.

- Давай-давай, Эдик, не стесняйся, а я пока видик включу, порнуху будешь смотреть?

Пятаку очень захотелось горячего кофе, а тут еще и печенье, булочки. В конце концов он взял чашку, отхлебнул. Вкусно! Осмелев, взял булочку, но чуть не подавился.

- А что она, с чесноком?

- Это, наверное, рядом лежала, да ты ешь, не стесняйся и кино смотри, хочешь анекдот расскажу?

Так незаметно пролетело полтора часа. Никаких вопросов хозяин так и не задал. Но всему хорошему приходит конец. Так и Пятаку пришлось возвращаться в темную, душную камеру. Куржопа сразу кинулся к нему:

- Ну что так долго, что спрашивали?

- Видик смотрел да кофе пил, - ответил Пятак, улыбаясь, и присел на нары рядом с мужиком, который сидел у стенки и покуривал "Приму".

- Да ты что несешь? Какой видик? - взорвался взвинченный Куржопа.

- Да порнуху смотрели с опером, - оправдывался Пятак.

- Ни хрена себе порнуху! Может, он тебе анекдоты рассказывал?

- Ну рассказал пару, сейчас вспомню.

- Да пошел ты на хер со своими анекдотами. Что ты ему сказал?

- Да не ори ты, идиот, я вообще ничего не говорил. Полтора часа и ничего не говорил, кому ты втираешь? Ну, смотри!

В это время мужик зашевелился и тихо спросил Пятака:

- Колбасу ел?

- Какую колбасу? Что ты несешь?

- "Краковскую", наверное, от тебя чесночком попахивает.

- Да не ел я колбасу, это булочка с чесноком была, а ты вообще кто такой? Вопросы задаешь.

- Да я-то никто, и зовут меня никак, так, странник одинокий, но люди меня знают.

Вмешался Куржопа:

- Слышь, Эдик, мы тут с Геной поговорили кое о чем, так он мне рассказал, кого и за что опера колбасой кормят и как их потом в камере чеснок выдает.

- Да вы что, обалдели? Какая колбаса, не было никакой колбасы! - заорал Пятак. - Кофе пил! Видик смотрел!

- Ну теперь я пойду видик смотреть, - спокойно и как-то отрешенно произнес Куржопа.

Гена тут же посоветовал:

- Ты на себя ничего не бери лишнего. И адвоката требуй.

Пятак недоуменно уставился на него:

- Какого адвоката? Зачем? Вы что, одурели?

Гена тихо ответил:

- Я не знаю ваших дел, и знать их не хочу, но что-то вы сильно дергаетесь и друг друга боитесь, кто-то первый сдаст. Оно и понятно, первому больше веры и послабление какое-то будет. Но люди так не поступают.

- Какие люди, ты о чем?

- А вот в дом попадешь, там тебя люди и встретят.

В это время дверь открылась, и вызвали Куржопу.

Тот вскочил и ни на кого не глядя быстро вышел из камеры.

- Слабоватый пацан, расколется враз, - покачал головой Гена.

- А мне-то что делать? Сейчас всё на меня свалит, - забеспокоился Пятак.

- Может, сразу и не расколется, но через сутки дойдет точно, - задумчиво произнес Гена.

- Что же делать, что делать?

- Мочить его надо, если за вами что тяжелое.

- Кого мочить? Ты что?

- Напарника твоего, Славика, кого же еще?

- Ну ты совсем озверел, как это?

- А как делают, куртку на голову ночью, и придумал. Другой бы на твоём месте уже своё бы признал и не мучился.

Через полчаса доведенный этими разговорами до отчаяния, Пятак сидел перед начальником уголовного розыска капитаном Кривулиным и, торопясь, путаясь, признавался в совершенном ими преступлении. А в это время в другом кабинете Куржопа, утирая слезы и сопли, дописывал явку с повинной. Положив ручку, заикаясь спросил:

- Что мне теперь будет?

Ошеломленные таким поворотом дела, Паша и Андрей виду не подавали, и Паша ответил:

- Я бы тебя сам застрелил, но у нас суд гуманный, жить будешь.

Андрей молча встал и вышел из кабинета докладывать начальнику ОУР. Кривулин молча кивнул ему на стул и сказал Пятаку:

- Ну-ка еще раз расскажи.

И Андрей во второй раз в этот день услышал страшную и гнусную историю. Четыре дня назад к Будке подошел Виктор Нелюбин, приехавший из другого

поселка, где он раньше служил в отделении милиции. Он предложил купить у него два килограмма промышленного золота. Будка сразу согласился, и они договорились встретиться на другой день и осуществить сделку. Виктор должен был принести золото, а Будка деньги. На следующее утро Виктор зашел к Будке в магазин и спросил, готовы ли деньги. Бандит сказал, что деньги на квартире у Пятака и надо за ними ехать, и в свою очередь поинтересовался, принес ли Виктор металл. Тот ответил, что принес, и они поехали на квартиру к Пятаку. На квартире Будка сразу потребовал золото, но Виктор попросил деньги вперед. Тогда взвинченный бандит выхватил из-за пояса пистолет и угрожал застрелить его, если добром не отдаст металл. Виктор ехидно усмехнулся и сказал, что он предвидел подобный оборот и золото с собой не взял. И тут неожиданно для всех Будка вскинул пистолет и выстрелил Виктору в лицо. Пятак от неожиданности закрыл глаза, а Куржопа чуть не упал. Виктор покачнулся, но устоял, пуля пробила ему челюсть и вышла через шею. А разъяренный Будка махал пистолетом и кричал, что сейчас его добьет, если не скажет, где золото. Но Виктор, прижав платок к лицу, молчал. Тогда Будка велел своим подручным вывезти его в тайгу и там добить. Перепуганные от такого поворота событий Пятак с Куржопой под руки вывели Виктора на улицу и усадили в машину. Тот не оказывал никакого сопротивления. Будка сел за руль, и они отъехали километров пять от поселка в лес по проселочной дороге. Там Виктора вытащили из машины, и Будка, подав пистолет Куржопе, велел застрелить его. Куржопа, ничего не соображая от страха перед бандитом, поднял пистолет и выстрелил в Виктора. Тот покачнулся, но снова устоял, потом прохрипел:

- Стрелять не умеете, сволочи.

После очередного выстрела Пятака Виктор еще стоял. Тогда Будка, обругав их, взял пистолет и выстрелил Виктору прямо в сердце. Тот покачнулся, постоял еще и только затем рухнул на землю. Будка велел каждому из них выстрелить еще по разу в лежащего. Добив его таким образом, бандиты оттащили труп в кусты и забросали ветками и снегом. Будка пригрозил им, что если проболтаются, убьет обоих. Сутки они пили и похмелялись, а потом пошли на дискотеку, где и были задержаны за мелкое хулиганство.

После таких признаний тут же закрутилась машина РОВД. Через 40 минут был задержан и арестован Будкин. Но золото так и не нашли. За взятие преступника начальник уголовного розыска и начальник РОВД были награждены ценными подарками.

Вечером за столом Матвеич, подняв стакан за Андрея, произнес:

- Ты обойден наградой, позабудь!
Дни вереницей мчатся, позабудь!
Небрежен ветер, в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть*.

Потом молча помянули Виктора.

* О. Хайям. «Рубаи».

Золотой пуд

Бросив телефонную трубку, Синегоров схватил свою радиостанцию "Стандарт" и помчался на выход. Выскочив на улицу, начал вызывать Захарченко:

- 41-й! 41-й! Двадцать шестому!

Но тот молчал.

- Черт, заправляется, наверное.

В это время подъехал на своем «уазике» другой опер, Андрей. Синегоров вскочил к нему в машину:

- Давай, жми на пост.

Андрею повторять не надо, он мгновенно развернулся, и они помчались на пост ГАИ. Пока ехали, отозвался Захарченко. Матвеич велел ему быстро ехать на пост ГАИ и задержать зеленый «УАЗ»-фургон, который должен вот-вот проехать.

- Что искать? - спросил Паша.

- Полный шмон, - кратко ответил Матвеич.

- Понял!

- Андрюха, мы уже опоздали, наверное, тормозни возле поста, возьмем гаишника - и до соседнего поселка, может догоним.

Остановившись возле поста, подхватили сотрудника ГАИ, молодого лопоухого лейтенанта, и помчались дальше. Лейтенант сразу сказал, что после звонка Синегорова «УАЗы» не проезжали, но перед этим минут за десять проехал темно-зеленый фургончик.

- Они, догоним, - заключил Матвеич.

Андрюха молча жал на газ. 120 км в час для него был не предел. Через 20 минут догнали фургон, и Синегоров решил обойти его и тормозить только возле

следующего поселка, на автобусной остановке. Так и сделали. Свою машину и гаишника Матвеич поставил навстречу фургону, а сам с Андреем встал на обочине другой стороны как ожидающий попутку. Через несколько минут показался фургон. Лейтенант махнул жезлом, и фургон остановился в аккурат возле Матвеича. Гаишник неторопливо шел через дорогу к фургону, водитель смотрел в его сторону. В это время Синегоров открыл дверь со стороны пассажира, схватил его за руку и воротник и резко вырвал с сиденья прямо за дом на обочину. Андрей уже открыл дверь в салон и, наставив пистолет, велел выходить по одному. Матвеич быстро обыскал пассажира и, убедившись окончательно, что тот пьян вдребезги, бросил его на обочине. Другие пассажиры интереса не представляли, две женщины и подросток. Взялись за водителя, тот пояснил, что везет товарища по его каким-то торговым делам, а остальные - попутчики. В это время Андрей открыл сумочку, лежавшую в кабине. Две пачки пистолетных патронов и еще россыпью штук восемь.

- Вот так! Чье это? - спросил Матвеич.

Водитель испуганно показал на лежавшего пассажира:

- Это его, Валеркино.

- Еще что есть? Оружие, золото, наркотики?

- Не знаю, это его, я ничего не знаю, - не на шутку испугавшись, твердил водитель.

Обыскали все сумки, ничего. И уже под сиденьем в пассажирском салоне нашли коробку с пистолетом. Такого никто из них еще не видел.

- Испанский, - определил по надписи на стволе Синегоров, - ищите еще.

Следом Андрей достал завернутый в тряпку маленький аккуратный пистолет-автомат "Мини-Узи" и две пачки патронов к нему. Затем еще пистолет.

- Так вы что, на войну собрались? - спросил Андрей.

- Это его, я ничего не знаю, - твердил водитель.

Больше в машине ничего не нашли. В отдел вернулись на двух машинах и передали дело следователю.

На следующее утро Синегоров первым делом отчитал Пал Палыча за то, что его не оказалось в нужный момент на месте.

- Зато насчет бензина договорился, 200 литров, - отбивался Паша.

- Бензин - это хорошо, - согласился Матвеич. Он уже второй год не получал ни одного литра бензина на свои две автомашины, не говоря уже о запчастях. А ездить приходилось много и далеко. Район был вытянут на 300 километров, а приходилось и в другие районы заезжать, и в областной центр.

Иногда Пал Палыч взрывался по этому поводу:

- Да на хрена нам это надо, зарплата нищенская, только на самолет в один конец хватает, техники никакой нет, бензина нет, запчастей нет, бумагу и то сами покупаем. Никому мы на хрен не нужны и наша работа тоже. Только показатели давай. Бросить все и податься в коммерцию.

- Точно, - поддерживал Матвеич, - только вот доработаем до пенсии и уйдем.

В кабинет заглянул Андрей и поманил Пал Палыча. Матвеич вздохнул, включил свою кофеварку и начал готовить чай, без которого не мыслил жизни. Не успел он отпить пару глотков ароматного крепкого чая, как снова вошел Захарченко. Загадочно улыбаясь, спросил:

- Можно чайку?

- Наливай, конечно, только не фыркай, как свинья, когда пить будешь.

Паша захохотал:

- Я только чуть-чуть буду прихлебывать, он же горячий!

- Ладно, прихлебывай, только очень тихо, и выкладывай, что там Андрюха тебе нашептал.

- Как думаешь, Матвеич, 5 килограммов не слабо будет?

- Нормально, начальство спасибо скажет.

- А 10?

- Ну, ты как всегда загнул. Руку пожмут.

- Мы же в этом году уже изъяли почти 3 килограмма, это сколько будет в долларах?

- Спасибо же тебе сказали?

- На фига оно мне нужно.

- Ты лучше скажи, что там насчет 10 килограммов? Насколько это серьезно?

- Проверять нужно, но Андрюха говорит, что килограмм 5 уже есть.

- А возьмем? Что-то вес смущает.

- Сегодня Андрюха уточнит, и завтра, думаю, ясно будет, а пока туман.

- Не забыл? Завтра ко мне на плов.

- Да я только и думаю об этом. Как его Надежда Ивановна готовит!

- Я же ее научил.

- Меня бы научил, я бы каждый день готовил.

- Лопнешь, тебя и так уже разносит.

Но ни следующий, ни последующий дня ясности так и не внесли. Только через неделю Андрей узнал, что золото с ГОКа. Синегоров не удивился:

- Этого и следовало ожидать. Хоть как охраняй, а лазейка найдется. Помнишь, Паша, как их руководство последний раз уверяло, что даже теоретически невозможно хищение золота на ихнем обожаемом ГОКе.

А я говорил, что если человек охраняет, то человек и утащит.

- Кто же такой? На каком участке работает? - задумался Паша.

Матвеич достал списки работников ГОКа, и они вместе начали изучать их в который раз. В первую очередь тех, кто был непосредственно связан с золотом.

- Надо искать среди тех, кто свободно передвигается по всем участкам, - определил Синегоров, - а кто передвигается?

Паша с ходу подхватил:

- Электрики, они же всюду с сумками ходят, карманов то ни у кого нет, а тут сумка с инструментом.

- Кто еще?

- Слесари-ремонтники тоже.

В списках определили таких семь человек, потом исключили четверых, проживавших в райцентре. По информации, расхититель жил в ГОКовском поселке.

- Проверьте с Андрюхой пока этих троих, а там посмотрим, - определил Синегоров.

Через три дня Паша доложил, что все чистые.

- Что, никаких зацепок? - спросил Синегоров.

- Абсолютно.

- Тогда всех троих надо отрабатывать.

- Как же отрабатывать, там в поселке все насквозь видать.

- Людей надо подключать, что тебя учить. А что Андрюхин человек?

- Так он через десятые руки узнал!

- Так приближать его надо. Водки не жалейте.

- Все рано вычислим этого хомяка.

- Какого хомяка еще?

- Ну он же, как хомяк, к себе в нору тащит.

Наконец пришел день, когда Андрей сообщил, что Хомяк ищет покупателя на 10 килограммов золота.

- Что делать будем? - спросил Матвейч.

Андрей как всегда молчал, Витек никогда поперед старших не высывался, зато Паша сразу вскинулся:

- Брать надо!

- Кого брать и где? - осадил его Андрей.

- Действительно, - подхватил Матвейч, - что, всех на проходной обыскивать? Только спугнем, и 10 килограммов накроются.

- Тогда покупателя надо подводить, - выдвинул новую идею Паша.

- Где его брать? - спросил Андрей.

- А вот он я, - не сдавался Паша.

- Да тебя же все собаки там знают, - вмешался Витек.

- Ну и что, - не смутился Паша, - может, и не все, давайте рискнем, я бороду отпущу, усы, как у Матвейча.

- В общем, так, уже вечер, пора по домам.

Утром, обсудив еще раз все варианты, остановились на Пашином.

- Давай отращивай бороду, не мойся дня три, и вперед, - закончил обсуждение Синегоров.

Через четыре дня обросший и неузнаваемый Пал Палыч докладывал Синегорову, что встретился наконец-то с Хомяком и тот проглотил наживку вместе с крючком. Кроме того, Андрей затем проследил его и установил квартиру, а уже по адресу выяснили, что это Олег Григорьев, один из трех, кого подозревали. Работает слесарем-наладчиком, круг общения ограниченный, скрытен, но выпивает частенько. Живет в двухкомнатной квартире, машины не имеет, но есть гараж или сарай.

- Что с металлом? Почем продает, сколько? - спросил Синегоров.

- В том то и дело, что про металл ни хрена не говорит.

- Чего же он тогда "проглотил с крючком"? - съехидничал Матвейч.

- Меня! Он же поверил, что я скупаю металл и ищу покупателя, и обещал свести с кем-то, кто может продать. Видимо, до конца не доверяет.

- Когда следующая встреча?

- Завтра.

- Во сколько?

- В 20.30 я подъезжаю к нему на автобусную остановку.

- Давай действуй, только не спугни.

- Рад стараться, ваше благородие!

- Старайся, старайся, плов за мной.

- Да я за плов...

- А за бешбармак?

- Матвейч, не издевайся, я за эти блюда сам все золото с ГОКа вынесу!

На встрече Хомяк сказал Пал Палычу, что его знакомый старатель предлагает 10 килограммов чистого металла за полтора миллиарда рублей* и, возможно, потом будет еще килограммов пять. Синегоров только головой покачал:

- Вот это масштабы!

Потом спросил:

- А не заметно, с головой у него все в порядке, может, крыша съехала?

Пал Палыч заверил, что Хомяк выглядит и рассуждает вполне здраво, а сделку назначили на следующий день на это же время. Решили брать во время сделки, пока он все золото с ГОКа не перетаскал.

- Вдвоем не справимся, придется ребят с валютно-

* Цены — в масштабах 1994 года.

го отдела приглашать, поехали в город, - решил Матвеич.

Андрей срочно улетел в отпуск на "материк" по семейным обстоятельствам. Витька болен. Начальник валютного отдела полковник Тараневский скептически отнесся к докладу Синегорова о 10 килограммах золота, откуда, мол, в вашем районе столько металла, если бы граммов 500. Но сотрудников выделил, человек пять во главе с майором Павликовым. Обговорили детали предстоящей операции, и Матвеич с Захарченко сразу поехали домой, так как не любили долго находиться в холодном, сыром городе, где ветры постоянно гоняли туман из одной бухты в другую.

На следующий день все собрались в кабинете Синегорова, еще раз обсудили детали предстоящей операции и к вечеру выехали на место. Пал Палыч, чуть-чуть волнуясь, кое-как засунул в карман допотопную радиостанцию, включенную на постоянную передачу, не преминув помянуть при этом нехорошим словом снабжение МВД и чью-то мать, заткнул за пояс пистолет, взял сумку с деньгами и двинулся на встречу. Как известно, сделка должна была происходить в каком-то гараже и Паша должен был как-то прокомментировать, где он находится, и при входе бросить возле дверей свою зажигалку. Машины с оперативниками подтянулись к гаражам и там стали ждать. Погода была отвратительная, моросил мелкий холодный дождь пополам со снегом, на улице кругом слякоть, холодно. Но на это никто не обращал внимания.

Матвеич с Павликовым напряженно вслушивались, ждали, когда заговорит радиостанция. Наконец послышался невнятный разговор. Все! Встретились, поняли оперативники. Идут в гараж, синяя дверь, зашли, Хомяк говорит, что металл здесь, спрашивает деньги "Деньги в сумке, но не все. А сколько металла? Давай

взвешивать". Синегоров выскочил из машины, следом Павликов, дав команду остальным следовать за ними. Синегоров бежал по лабиринту сараев и гаражей, выискивая синюю дверь и зажигалку, не обращая внимания на лужи. Следом пыхтел толстый, напоминающий бегемота Павликов. Стоп! Вот дверь, правда, не синяя, а какая-то блекло-голубая и зажигалка перед гаражом в грязи. Но что за чертовщина, на дверях висит амбарный замок! Понимая уже, что это не та дверь, Матвеич на всякий случай подскочил к ней, прислушался. Тишина. А по рации было слышно, как Хомяк требует деньги, а Паша оттягивает момент, в сумке-то денег только сверху несколько пачек, а остальные бумага.

Выругавшись, Матвеич с Павликовым ринулись дальше и тут же за поворотом увидели синюю дверь и Пашину зажигалку перед ней.

- Все, Миша, давай понятых быстрее подтягивай, - шепнул Матвеич. Тут уже следом подскочили остальные опера и по команде Матвеича рванули дверь и ворвались в гараж.

В гараже возле машины стояли Паша и Хомяк - здоровенный угрюмый парень. Пригласили понятых, не понимающих, в чем дело, спросили, где золото. Паша только руками развел (позже он признался, что и сам перепугался, когда в гараж ворвались оперативники), а Хомяк кивнул головой на мешок, лежавший возле колеса на полу гаража. Матвеич поднял грязный мешок. Тяжелый!

- Что здесь?

- Сами знаете.

- А точнее?

- Золото.

- Чье, откуда, сколько?

- С ГОКа, килограммов 15.

- Сколько?!

Тут же при понятых взвесили мешок, точно 15 килограммов! Опера только переглянулись, не веря в удачу.

Обыскали гараж и в сумке, с которой Хомяк ходил на работу, обнаружили еще один килограмм драгоценного металла.

- Ни хрена себе, пуд золота в старом гараже, в грязном мешке, - не выдержал один понятой.

Золото опечатали, погрузили в машину и поехали в райотдел. На месте тут же допросили Хомяка, он ничего не отрицал. Да, выносил металл с ГОКа, и причем очень просто, пользуясь свободой передвижения и доступом к золоту, ходил специально по нескольку раз в смену мимо охранников с сумкой и инструментами, и те, его, конечно, уже не проверяли. Делая вид, что ремонтирует прибор, поворачивался спиной к видеокамере, набирал золото в сумку и спокойно выносил его с территории. Однажды таким образом вынес сразу 4 килограмма, а так обычно по килограмму.

Павликов тут же принялся звонить начальнику - докладывать об успешной операции, а Матвеич послал одного из оперов в магазин. Паша быстро организовал закуску, и первый тост подняли за него. И тут Синегорова как током ударило! А где металл? Никто ничего сказать не мог. Выскочили все из кабинета и побежали к машинам. Всеми забытый мешок с пудом золота лежал в открытой машине. Только тут Матвеич перевел дух. Мешок закрыли в сейф и продолжили импровизированный банкет.

За успешно проведенную операцию по изъятию золота на сумму четыре с половиной миллиарда рублей 15(!) сотрудников милиции получили поощрения, в ос-

новном ценные подарки, из 15 только 3 были из райотдела - Синегоров, Захарченко и Андрей, а остальные все из УВД, большинство из которых золота и не видели.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе. В. Фатеев	3
«Хищник» Гена	5
Первый снег	13
Первое «золотое дело» Паши	22
«Бумеранг»	25
Варнаки	34
Наледь	50
Босиком	55
Мишка-воришка	61
Волки	66
Золотой пуд	77

20

Золотой гуд Шестев А. МАОБТИ. 2004

2 000160 480016

20 - 100 руб